СЕРГЕЙ
ИВАНОВ
МИРО-ТВОРЦЫ
ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ

Сергей Григорьевич Иванов

Миро-Творцы

Серия «Миро-Творцы», книга 3

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123816
Миро-Творцы: АСТ; 1999
ISBN 5-237-01946-3

Аннотация

Жители Исчезнувшего Города, еще способные на борьбу, оказываются в безнадежной ситуации. Отступать некуда. Теперь каждый должен решить, на чьей он стороне и что страшит его сильнее: рабство или гибель. Личины сброшены, пришельцам и земным их пособникам, бывшим людям, больше ни к чему скрывать чудовищную суть – они вводят в бой последние резервы, самые могущественные. Атаки монстров следуют одна за другой, два враждебных мира сближаются до опасного предела. И вот уже земляне пробираются по пещерам чужой планеты, погружаясь в Огранду, загадочную и грозную, – чтобы победить либо сгинуть без следа...

Содержание

Часть I. Ответный визит 4
Глава 1. Ночь Шершней 4
Глава 2. Новые породы 48
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Сергей Иванов
Миро-Творцы

Часть I. Ответный визит

Глава 1. Ночь Шершней

1. Пейзаж после битвы

– Ну что, – спросил Юстиан, обводя всех взглядом, – кажется, пора подвести итоги?

Собственно, никто его не уполномочивал, но по привычке, как председатель воображенцев, он взялся вести собрание. И слава росским богам, опыт в таких вещах много значит.

Кроме него творцов представляли двое: щуплый Игорек, скандалист и выдумщик, и бородатый Власий, прозванный так за устрашающий вид или, наоборот, старавшийся соответствовать имени. От спецов были электронщик Тим, приятель Вадима, сложением и суетливостью похожий на Игорька, и еще один технарь, Конрад, – седой и костлявый, большой дока по части материалов. Не помешал бы кто-нибудь от биологов, но все они настолько увязли в исследованиях, что толку от них было чуть. Еще присутствовали росский князь Брон с парой шкафоподобных “советников”, гардейка Кира и сам Вадим – все в шипастых пластиковых доспехах-скафандрах и при оружии, будто до сих пор ждали ответной атаки Шершней. А заварившая эту кашу Эва, огрская ведьма, как сгинула после штурма вместе с Адамом, так больше не возникала.

Расположились они в уютном зальчике с единственным “кровяным” фонтаном по центру, вокруг трех округлых столов, сервированных с необычной для вчерашних крепостных роскошью. (Впрочем, те уже не обращали на нее внимания – как и на жуткую фонтанную скульптуру, до сих пор шокирующую Вадима.) Обслуживали их несколько безмолвных и милых девушек, переправленных в бывшее Шершневое Гнездо первыми же рейсами вертушек – вместе с самым насущным из имущества.

Вообще росичи устраивались здесь на диво споро и, судя по всему, надолго. Весь Подземный Замок, такой пустынный ночью, теперь гудел на разные голоса и вибрировал от топота многих ног, старавшихся там, где не справлялись тележки. Новым союзникам, иудеям и ордынцам, выделили обособленные от Замка филиалы, наверняка показавшиеся им великолепными. (К счастью, они не видели, что перепало самим росичам.) Видимо, и “раввин” Гош, и каган Бату неплохо поживились при набеге, поскольку не спешили напоминать о дележке. Или увлеклись ревизией новых богатств – словно малые дети, угодившие в магазин игрушек.

Впрочем, еще раньше это просмотрел Брон и не отыскал там ничего настолько стоящего, чтобы пожалеть для союзников. Ну, пара вертушек – иудеям, для равновесия. Ордынцы захватили при штурме четыре “ворона”, еще пять Брон обнаружил в запасных ангарах. В итоге у него оказалось семь штук – это не считая полудюжины турбореактивных “шмелей”, найденных в Замке. И доспехами он себя не обделил и не собирался раскрывать их исключительную ценность, надеясь выменять еще – у того же Гоша, к примеру. А может, и Бату, “сын степей”, на что позарится.

Неудовлетворенным остался лишь Винт, глава сутеров, но и ему много чего наобещали, а кое-что и подбросили – лишь бы не сорвался с крючка. Кто поручится, что, разобидясь, Винт не захочет взорвать Замок? Или не приведет своих недавних друзей, крепостников? Конечно, вероятность мизерная, но пренебрегать ею не стоит.

– Ну, – снова спросил Юстиан, – так кто желает высказаться?

И снова не отозвался никто – ни из творцов, ни из спецов. Мало, что они друг друга дичились, так еще сковывало присутствие крутарей. Действительно, разные касты – даже породы. Крутари-то и меж собой едва научились ладить, но почему эти умники так враждебны к другим?

Со вздохом Вадим поднял руку – должен же кто-то вызвать пальбу на себя?

– Чего нам не хватает – это хорошего психолога, – объявил он.

– Намек, да? – сейчас же окрысился Игорек. – Хотелось бы знать, на кого?

– В первую очередь, на голышей, – ответил Вадим. – Во вторую – на Шершней. Почему первые по развитию чуть выше обезьян, а вторые не могут ответить ни на один серьезный вопрос?

– Чего странного? – выскочил Тим. – Обычная блокировка памяти!

– Обычная, вот как? – осведомился Вадим. – Тогда, может, объяснишь, каким образом это достигается и как ее снять?

– Не мой профиль! – отрезал технарь.

– И я о том, – согласился Вадим. – С профилями у нас недобор. Бог с ними, со спецами, надыбать бы на приличного любителя!

– Что до голышей, можно предположить задержку в развитии, – сказал Юстиан. – Помните детей, похищенных зверями? Если на первые несколько лет голышей изолировали от людей…

– Тебе не кажется, что здесь налицо потомственный идиотизм? – спросил Игорек.

– На лице! – обрадовано пророкотал Власий, но его приятель каламбуром пренебрег и продолжал:

– Их либо выводили на протяжении поколений, отбраковывая умников, либо поднимали такие же дебилы, лишенные речи!.. Впрочем, бог с ними. Ясно одно: рассказать про здешние чудеса они не могут.

– В отличие от Шершней, – добавил Вадим.

– С ними дело серьезней, – подтвердил Игорек. – Такое ощущение, что им всё до лампочки: будут их пытать или прикончат.

– Уже пробовали, – сообщил Брон и усмехнулся на округлившиеся глаза творцов: – Не я – ордынцы. Никакого проку!

– Ну да, – упавшим голосом заключил Игорек, – вот я и говорю…

– Дело не в равнодушии, – снова вступил Вадим. – Эти парни чего-то боятся – сильнее смерти, сильнее боли. При том, что совесть атрофирована напрочь – даже в усеченном варианте, для самого узкого круга. И страх этот впечатан так глубоко, что одолеть его можно лишь ценой распада сознания.

– Эка хватил, – прогудел Власий. – Еще про заклятия вспомни!

– И потом, чего можно бояться сильнее смерти? – опять начал заводиться Игорек. – Не бога же? Бога можно лишь почитать.

– Смотря какой бог, – возразил Вадим. – И вообще, что он есть? Возможны варианты.

– “Бог есть любовь”, – с иронией процитировал Власий.

– Допустим. И любить его следует больше, чем самого близкого из людей, включая себя, – тогда ради бога не жаль и жизни. Но, повторяю, в Шершнях нет ни любви, ни совести, ни чести – ничего, пустота, вакуум!.. Даже ордынцы рядом с ними кажутся ангелами.

– Ну так, – принялся загибать толстые пальцы бородач, – бог у нас уже был, ангелы были… Не хватает дьявола.

– Именно, – снова заглотнул наживку Вадим. – Предположим, Шершни “продались дьяволу”. Что это значит?

– И что же? – глумливо спросил Власий, прихлебывая густейший чай. – Наверное, отсутствие души? – И загнул третий палец.

– Подчиненность, – сказал Вадим. – Притом абсолютную. Замену горизонтальных связей на вертикальные – жесткая пирамидальная структура, скорее всего, подкрепленная энергетически. Вспомните их четкие градации в силе – ступенька за ступенькой, от рядовых Шершней через вожаков к главарю. Вот это действительно монстр!

– При условии, что он вам не померещился, – съехидничал Игорек. – Проломить такие ворота – это же надо!.. А может, он взорвал их?

– Брон, – попросил Вадим. – Не для разглашения, а?

– Не знаю, наберется ли, – с сомнением откликнулся тот. – Все же потратились сегодня изрядно. Ну ладно, на один-то удар…

Князь плавно поднял руку, покрутил пальцами, показывая пустую ладонь, затем сжал кисть в кулак – так же медленно. Прикрыл глаза, концентрируясь. И вдруг рука исчезла с коротким сухим треском, а в столешнице возник аккуратный пролом длиной в полметра – по крайней мере, так это выглядело для изумленных творцов.

– Кой-чему мы научились, – пояснил Брон. – Но это уровень вожака – вряд ли выше. К тому ж разовый выплеск.

– Убедились? – сказал Вадим. – Кстати, что выяснилось насчет доспехов?

– Мало, – нехотя откликнулся Конрад. – Такого пластика я в жизни не видал. Но за дюжину лет могло проклюнуться всякое – в Институте и за Бугром. Материал замечательный, спору нет, прочности потрясающей, на уровне титановых сплавов. Однако ничего запредельного, если не считать… – В нерешительности спец замялся.

– Что? – подстегнул Брон. – Не томи!

– Снаружи латы будто пленкой подернуты. Химически она не обнаруживается – как и через самую мощную оптику. Скорее тут применен физический эффект, хотя, – Конрад виновато пожал плечами, – это не моя епархия… Есть у вас приличный физик?

– Спецы! – презрительно сказала Кира. – На каждого по лоскутку. У вас и в постели узкая направленность?

– А на мечах что? – спросил Вадим. – Тоже пленка?

Конрад кивнул.

– Там она действует иначе, – добавил он. – Насколько я понял, главное ее назначение – компенсировать защитное покрытие лат. И обычные материалы она словно бы размягчает, ослабляя молекулярное притяжение… Впрочем, это лишь догадка. – И спец снова пожал худыми плечами, стыдясь своей некомпетентности.

– Помнится, ты помянул заклятие? – обратился Вадим к Власию. – Добавь к нему оружейные заговоры.

– Полный бред! – подтвердил бородач. – А нельзя покрыть такой “пленкой” пули?

– Наверное, можно, – откликнулся Конрад, – если знать – как.

– Исчерпывающий ответ, – просиял Власий. – Благодарю.

Седой спец шевельнул губами, и только Вадим расслышал угрюмое: “Да подавись”.

– Насчет пуль не обещаю, – предупредил он, – но стрелы из того же комплекта вполне могут объявиться. Так что готовьтесь к сюрпризам.

Судя по метнувшимся к нему взглядам, Брон и Кира приняли информацию к сведению – впрочем, как и спецы. За творцов Вадим бы не поручился: их это затрагивало мало.

– Вообще, загадок хватает – на все вкусы, – добавил он. – Взять хотя бы само Гнездо – грандиозное же сооружение! Когда его строили, кто, какими средствами?

– Сколько похищенных обнаружено? – осведомился Юстиан.

– Сотни, – ответил князь, – если не тысячи. – Он усмехнулся: – Похоже, медикам не до подсчетов.

– Ну да, – не ко времени хихикнул Тим. – Жаль, что мы не услышали начальника транспортного цеха!

– Боюсь, многих не досчитаемся, – поморщась, сказал Вадим. – Шершни не только складировали людей, а и, – он укоризненно глянул на Тима, – умерщвляли. Мы обнаружили подобие разделочного цеха: освежеванные, выпотрошенные тела, вскрытые черепа…

– Господи! – потрясенно выдохнул Игорек. – Но зачем?

– Мелькала безумная идея, что "химию" Шершни гонят из людей, – ответил Вадим. – А может, у них такие религиозные обряды – это к вопросу о дьяволе, – добавил он небрежно. – Трупов, в общем, немного – для серьезного производства вряд ли хватит.

– Меня сейчас стошнит, – объявил Игорек. – Он говорит о них, точно о коровьих тушах!

– Именно, – спокойно согласился Вадим. – Я же вегетарианец.

– По идейным соображениям, верно? – прогудел Власий. – А вот ты, Игорек, каждому подбитому мотыльку готов сострадать, зато буренок уминаешь за милую душу!

– Между прочим, – заметил Юстиан, – наши хозяева рискнули жизнями, чтобы отбить похищенных, и не нам, пришедшим на готовое, укорять их в бесчувственности.

– Ну да, "что сделаю я для людей!" – со смешком поддержал бородач. – Как говаривал классик. А чесать языки да подпускать слезу все умеют.

Заклеванный своими же, Игорек насупился, обиженно поджал губы.

– На последнем заседании воображенцев, – продолжил Вадим, – обсуждалась занятная теорийка: о Хаосе и Порядке, о сознаниях-отражениях и телах-скафандрах, о телепатостанциях, как биологической основе совести, и *жизне -силе* , – помните? – Он помолчал, давая творцам время сосредоточиться, и добавил: – Почему не попробовать включить туда пирамиду Шершней, а заодно – новые возможности росичей, продемонстрированные Броном? Похоже, это явления одного порядка. Собственно, затем вас и пригласили сюда, а не для копания в частностях – этим пусть занимаются спецы.

– Легко сказать! – пробурчал Власий. – Одно дело пробавляться умозрительной эквилибристикой…

– Уморительной, – поддакнул Игорь.

– Вам мало конкретики? – спросил Вадим. – "Их есть у меня".

– Например?

– Кто-нибудь из вас может видеть сознание? Вот я могу.

– Но позвольте! – опять взвился Игорек. – Все ж заявление не из рядовых. Почему мы обязаны верить?

– Это – как угодно. На усмотрение каждого.

– Хорошо, – сказал Юстиан. – А подробности?

– К примеру, где оно помещается? – прибавил Власий.

– Обычно – в мозгу, – ответил Вадим. – Действительно, у заурядов оно не покидает пределов черепа. Но есть другая категория…

– Вроде тебя, – буркнул Игорь.

– Вроде Брона, – возразил Вадим. – И еще десятка бойцов, схлестнувшихся с Шершневой элитой. Знаете, что стало с их сознаниями?

– Судя по тому, что мы сейчас наблюдали, – предположил Юстиан, – их души больше не сидят в прежних клетках.

– Именно. Они вышли на новые рубежи – теперь их ограничивает поверхность тела. Правда, энергии хватает лишь на всплески, но ведь это начало. А когда парни смогут поддерживать такой уровень постоянно – представляете, кем они станут?

– Богатырями, – сказал Юстиан серьезно.

– И что для этого требуется? – спросил Власий. – Новые стычки? Встречи с носителями Тьмы?

– Закон индукции, – подтвердил Вадим. – Для каждого очередного прорыва требуется противник рангом выше. И кто сумеет пройти по ступенькам до самого верха…

– Есть ведь и другие, – заметил Юстиан, пристально на него глядя, – у кого сознание расплывается еще шире.

– Тогда оно зовется мысле-облаком, – сказал Вадим. – А присуще это магам и ведьмам, носителям Хаоса… да еще, наверно, вампирам, – прибавил он, вспомнив "короля" Шершней, – хотя у тех скорее мысле-спрут. Но магам проще манипулировать сторонними объектами, чем собственным телом, – уж так они устроены.

– Разве нельзя совмещать?

– Быть богатырем и магом одновременно? That depends!.. Может, и нельзя, но кто запрещает пробовать?

– Для этого надо быть универсалом, – пробурчал Власий.

– "И я знаю этого человека!" – неожиданно возгласил Тим и хихикнул.

Повернувшись, Вадим внимательно на него посмотрел.

– Лучше покажи, что сам умеешь, – предложил он. – Забыл: я вижу тебя насквозь!

Теперь и остальные уставились на спеца.

– Ну что, – пробормотал тот, неловко ерзая. – Мало ли чего с испугу отчубучишь? Поглядели б вы на этих Шершней!..

– Душа в пятки ушла? – спросил Вадим. – А вернуться забыла. С тех пор и блуждает вокруг облаком. Так ведь, темнила?

– Ма-аленьким таким облачком, – подтвердил Тим, ухмыляясь. – Совсем крохотным. Когда вокруг пошла рубка, мне так захотелось сгинуть с глаз, что на пяток минут я стал невидимым.

– Байки! – фыркнул Игорь. – Или глюки. Ты б еще полетал!..

– Конечно, я бредил, – легко согласился спец. – А сейчас и вас заморочу.

Выпучив глаза, он уставился на свою тарелку. Внезапно та снялась со стола и поплыла к Игорьку, мерно раскачиваясь. С открытым ртом тот наблюдал за ее приближением, потом вдруг вскочил, роняя стул, и прыгнул в сторону. Власий было заржал, но тут же поперхнулся и принялся кашлять, багровея лицом.

Пока Тим не расшалился всерьез, Вадим своим *облаком* вернул тарелку на место.

– Вот такая конкретика, – заключил он. – И что тут сыграло роль: индукция или страх, – решать вам.

После паузы, необходимой для демонстрации независимости, у творцов наконец заработала фантазия, уже напитанная впечатлениями и получившая разгон в нужном направлении. Состав участников был оптимален для мозгового штурма – этому же способствовали наличие внимательных слушателей и симпатичной обслуги, вкусная еда. А вот напитков крепче кофе здесь не подавали, чтоб "штурмовики" не пытались слишком уж подхлестывать воображение.

С удовольствием Вадим наблюдал, как одна за другой выстреливаются идеи и мячиками скачут меж творцов, испытываясь на прочность, обрастая плотью, – чтобы затем лопнуть или сделаться одним из кирпичиков мироздания, возводимого наново. Дабы не утруждать творцов рутиной, возле них пристроилась девочка с компом, и все достойные внимания

гипотезы сбрасывались ей – для прочной фиксации и дальнейшего осмысления. Тим и Конрад следили за процессом с увлечением, однако благоразумно помалкивали.

– Ну, это надолго, – тихонько сказал Вадим, наклонясь к Брону. – Как у нас с транспортом?

– В чем дело? – насторожился крутарь. – Хочешь оставить этих психов на меня?

– Поручи их Тиму, – посоветовал Вадим. – И окружи девочками – они такое любят. А мне надо смотаться домой – забрать приборы, книги, барахлишко какое-никакое.

– А как же “шмели”? – вспомнил Брон. – Ты ведь у нас главный водила!

– Скажи еще “конюший”, – засмеялся Вадим. – Дай дух-то перевести – ведь вторую ночь без сна!.. Когда ближний рейс?

– Я с тобой, – сейчас же сказала Кира.

– Ну-у, ребята! – протянул Брон. – Бросаете меня одного?

– Ага, – подтвердил Вадим. – Если не считать этой кучи народа. А ты как думал, князинька? Править – дело хлопотное. – Неслышно он поднялся, кивнул на прощанье. – Распорядись, да?

Вдвоем с Кирой они оставили зал, прошли тремя длинными коридорами, сторонясь взбудораженных, спешащих по делам крутарей. На подвернувшейся тележке добрались до ангара, впервые увидав его при свете дня. Здесь уж дожидался “ворон” с парой росичей на борту. Были они из той когорты витязей, отобранной лично Броном, которую Вадим зарядил многими навыками, включая водительские, – переписав напрямую из своей памяти.

Без разговоров признав его превосходство (чего никогда не сделали бы творцы), росичи уступили гостям кабину, а сами отправились в салон – соснуть, сколько успеют. С обычной радостью Вадим бросил вертушку ввысь, направив по знакомому маршруту. Припорошенная ночным снежком зелень гляделась колоритно, однако по-летнему жаркое солнце уже расплавляло сугробы, и через час-другой лес обретет привычный вид. Все-таки тут слишком близко от города, чтобы суточные перепады натворили таких же дел, как на подбугорных склонах.

– Ну хорошо, – заговорила Кира, – допустим, я поверю в чудеса – тем более, и со мной творится странное. Но откуда свалилось всего так много и сразу? Будто нарыв лопнул.

– Сама ж и ответила, – сказал Вадим. – И “нарыву” этому дюжина лет – на днях юбилей.

– Имеешь в виду Отделение?

– Впрочем, вру, – поправился он. – Отделение следовало подготовить. Вспомни те пограничные лазеры – нехило для губернии, да?

– Тогда мы возвращаемся к Основателю…

– Государственный был человек – этого не отнимешь. – Вадим вздохнул. – А как он радел за державу, какую кампанию развернул!.. Тоже требовал от всех гражданской ответственности: чтоб каждый прекратил беспокоиться о себе, а пекся отныне токмо об народе – понимай, государстве. И знаешь, когда Мезинцев пошел в гору? Аккурат за два года до Отделения!

– А почему “аккурат”?

Потому что в это же время возникла Эва, мысленно ответил он. Стало быть, тут вызревало по меньшей мере два “нарыва”.

– Боюсь, дело куда серьезней, чем представлялось вначале, – произнес Вадим вслух. – Все эти странности выстраиваются в систему. Мы будто пересеклись с параллельным миром, где даже у природы иные законы, где люди похожи на зверей, а звери и вовсе чудища. Где чудеса в порядке вещей – как и те, кто на них паразитирует.

– Опять вампиры? – недоверчиво хмыкнула Кира. – Конечно, я всегда любила страшные сказки…

Ее лицо сморщилось, и даже это гардейке шло – что значит хорошая наследственность!.. Знать бы, от кого.

– Ладно, выдвигаю гипотезу. – Вадим пожалел, что с ними нет Тима, всегдашнего его оппонента. – Собственно, кто такие вампиры и что мы о них знаем? Ну, питаются кровью, не любят света, серебра, осины, чеснока, очень сильны, очень чутки, как правило, жестоки (точнее безжалостны), практически бессмертны – в том смысле, что не стареют и почти мгновенно заживляют раны. Владеют гипнозом, то бишь умеют подчинять чужую волю… Все?

– В гробиках спят, – подсказала Кира.

– Это уже экзотика, не по существу. А вот, что их сон по глубине почти равен смерти, сгодится для полноты картины. Итак, что имеем?

– Ну, что?

– Существ идеально отрегулированных, вполне бессердечных и напрочь лишенных изменчивости – то есть тех искажений в программе, которые, накапливаясь за жизнь, приводят к старению, затем и к смерти. В их сознаниях нет Хаоса, только Порядок – изначальная вселенская Программа. А кровь насыщается в их сознаниях именно этим – отсюда ее восстанавливающие свойства. Вспомни “мертвую воду”!..

– Вампиры, “мертвая вода” – бр-р-р, – Киру и вправду передернуло. – Чушь какая!

– Но ты же сама наблюдала исцеление?

– Мало ли что я наблюдала!..

– Здравый смысл – штука полезная, – заметил Вадим. – Только не делай из него культа. Собственным глазам тоже приходится верить. И если нет объяснений попроще…

– Хорошо, а им-то зачем чужая кровь? – спросила девушка. – Что за гурманство такое? Ну поели хотя бы мяса!..

– Оборотни как раз жрут его охотно – правда, живое, с той же кровью. Похоже на переходную стадию, нет? А вот вампиры в кормежке не нуждаются – у них другие источники энергии. И кровь нужна им не для подпитки.

– Интересное кино! – удивилась она. – Для чего же?

– А ты забыла, кого они вылавливали? Спецов да творцов – причем настоящих, способных на дальние прорывы.

– Психов, – буркнула Кира.

– В какой-то мере, – согласился Вадим. – В творчестве редко обходится без побочных эффектов. Нужны прочные корни… либо идеальное равновесие. Сознания творцов перенасыщены Хаосом, иначе б они не смогли создавать. Я не удивлюсь, если над кровопийцами окажется еще кто-то, пожирающий мозги.

– Господи, зачем?

– Чтобы не обрушиться в Подземелье, откуда он вышел, – произнес он, смакуя подвернувшийся образ. Затем пояснил: – Чтоб зацепиться за наш мир, вампирам нужно поддерживать в себе некую концентрацию Хаоса – иначе их утянет в родную стихию, во Тьму. По сути они роботы: могучие, отлично запрограмированные, с громадными ресурсами мозгокомпа, – но мертвые. И если не получают обычной дозы крови, испытывают ломку, на манер наркоманов, – наверно, еще болезненней. Это уже не просто голод, а – Голод!..

– Когда я бродила по Гнезду, наткнулась на пару трупов со вскрытыми черепами, – сообщила Кира. – Ты о них знал?

– Нет, – ответил Вадим, помрачнев. – Но это ничего не доказывает – не бросайся в другую крайность. Мало на свете пресытившихся скотов?

– Одно дело выедать мозги у обезьян…

– У живых? – Теперь передернуло и его. – Брось, это то же самое!

– Ладно, бог с ними…

– С кем – с вампирами? – удивился Вадим. – Скорее уж дьявол. Хотя он тоже бог – Тьмы.

– Хватит метафизики! – взмолилась Кира. – Поговорим о Шершнях.

– А они, по-твоему, кто – новая порода людей, инопланетяне?

– Враги, – сказала девушка, останавливая его движением руки. – Это – главное. Меня интересует, что они могут, чего добиваются, кому подчинены. Можешь ответить без привлечения мистики?

– А чем она тебя пугает? Никто ведь не заставляет в нее верить. Рассматривай мои построения, как рабочую модель, облегчающую понимание мира. Нельзя говорить о последствиях, не затронув причин. Ну чем, по-твоему, Белая Магия отличается от Черной?

– Господи, Вадим!..

– Белая, а точнее Цветная Магия означает созидание, творчество, – пояснил он. – А Черная – власть, подчиненность… ну, еще знания, полученные у Тьмы. И если для магии нужна внутренняя свобода и прочная привязка к людям (попросту говоря, совесть), то абсолютная власть свободу убивает – а значит, и жизнь. И что из этого следует?

– Ну, что? – безнадежно спросила Кира.

– Во-первых, что у наших врагов должна быть строгая пирамидальная иерархия, с четкой дозировкой Силы по уровням и кормушкой на самом верху. Оттуда энергия стекает по этажам, разветвляясь на все меньшие ручейки, – чем и гарантируется безусловное подчинение. Попробуй-ка возразить – тут же отлучат от жизни!.. Во-вторых, власть для них не только средство, но смысл и цель. А значит, они не успокоятся, пока не подомнут под себя всех. Законы вампиротехники, по старшинству: не доставлять хлопот начальству, беспрекословно ему повиноваться, заботиться о собственном благе. – Вадим хмыкнул: – Всё по классику!

– Постой, – озадаченно сказала девушка. – По-твоему, Крепость уже под ними?

– Возможно, им не хватает нескольких ключевых постов, – ответил он. – Но лишь запахнет жареным… Думаешь, им трудно будет завладеть всем?

Кира покачала головой: этот вопрос у нее сомнений не вызывал.

– А знаешь, как “посвящают” в нежить? – спросил Вадим. – Недавно в нашем КБ устроили переаттестацию управителей – при закрытых дверях и в присутствии оч-чень представительной комиссии из главка.

– Ну?

– В лучших уголовных традициях! – Он хмыкнул. – Правда, там это называется “опустить”.

– Ты выдумал – фу!

– Домыслил, – поправил Вадим. – Видела б ты наших боссов после “аттестации” – они даже пахли иначе! И как еще можно с полной искренностью признать над собой чужую власть? Это только в кино вампир дает “птенцу” напиться своей крови… Собственно, зачем – для укрепления здоровья? А вот запустить в него щупальце, чтоб вытравить остатки свободомыслия, чтобы все горизонтальные связи заменить вертикалями, подключив к пирамиде… Воистину: “опустить”, – под себя!

– Ну хватит об этом, ладно?

– Ты ж хотела конкретики, – усмехнулся он. – Про это лучше знать, чтоб не нарваться. Хотя подмять женщину, наверно, сложней: “естественное – не стыдно”.

– А что еще у нас плохого? – спросила девушка. – Уж выкладывай!

Вадим вздохнул:

– Начался отток крутарей – чего я боялся. Многие не хотят ввязываться в большую войну. Великая цель вдохновляет не всех. Проще уйти в шушеру: навар тот же, а риска меньше. У ордынцев и иудеев ситуация еще хуже. А что творится у сутеров, боюсь и думать. Они-то с Крепостью скорее сотрудничали: общий менталитет – во как!

– Видишь? – сказала Кира. – А ты все: крутари, крутари!..

– Других-то нет. Не с вашими же спецгардами это затевать? Лишь бы процент крыс не превысил ожидаемый.

Они уже подлетали к росскому городищу, обнесенному высокой стеной и на две трети накрытому пленочной Крышей, спасавшей от непогоды. Несмотря на раннее утро, жизнь в городке кипела, словно бы половина его жителей готовилась к обороне либо к переезду. Когда Вадим пролетал над оградой, с городской площади поднялась груженная под завязку вертушка и устремилась в сторону Гнезда. По улицам, в нарушение обычного порядка, гоняли колесники всех моделей, будто сегодня росичи жалели время на ходьбу.

“Ворон” приземлился на просторном дворе детинца. Сразу же Вадим спустился в гараж и выпросил себе шикарный двуколесник – из княжеского резерва.

Примостившись за его спиной, Кира продремала все время, пока колесник трясся по лесной дороге и по пустынному в эти часы Городу. Кого было больше обычного – это блюстителей. Но по заведенной традиции они будто не замечали машину крутарей.

Ближе к дому Вадим сосредоточился, отводя случайные взгляды. Закатив двуколесник в подъезд, он перенес его и Киру этажом выше, спрятав в коридорчике. Затем разбудил девушку, слегка удивившуюся новой стоянке, и отвел в возрожденную общими усилиями квартиру.

За сутки здесь ничего не изменилось. Зашторенные окна хранили в комнатах прозрачный сумрак, пронизанный редкими косыми лучами, по квартире гулял ветерок, прорываясь сквозь форточные сетки, – самое подходящее место для здорового сна!

– Помнится, я обещала тебя помыть? – утомленно спросила Кира. – А я – человек слова. Не веришь?

Ее глаза закрывались, непослушные пальцы едва справлялись с защелками, однако “на автомате” она аккуратно складывала доспехи в углу гостиной. Вадим помог девушке раздеться, затем разоблачился сам и понес ее в ванну, подхватив на сгиб локтя. По пути Кира едва не заснула снова, опустив голову ему на плечо. Без лишних церемоний он уложил гардейку под теплые струи, наскоро ополоснул и переправил в постель. Потом то же проделал с собой, с наслаждением ощутив хрустящие простыни.

– Мы ведь с тобой соратники, правда? – пробормотала Кира ему на ухо, обхватив всеми конечностями. – А соратники должны сплачиваться… Ну?

– Тпру, – буркнул он. – Спи уж, “боевая кобылка”!

Впрочем, осязать ее прохладную шелковую кожу было сладостно. И Вадим с охотой переступил бы через собственный запрет – если б мог. Это ли не рабство! – с тоской подумал он. Ах, Эва, Эва… За что?

– Что тебя гложет? – спросила девушка. – Ведь гложет же!

– Же-же, – передразнил Вадим, однако ответил: – Ума не приложу, что с Юлькой. Трое суток никаких вестей, а ведь я должен ее *слышать* !.. Куда ее занесло, жива ли? Если верить Бондарю, последний, с кем она виделась до нас, – ее отец… точнее опекун. Может, его поспрашивать?

Но Кира уже спала, вымотанная донельзя. Так что Вадиму не пришлось сражаться за свое достояние, сегодня не огражденное от посягательств даже трусами.

Он усмехнулся, вспомнив давно отшумевшие дискуссии о дозволенной эротике и недопустимой порнографии. Если спишь с девицей и не пытаешься её подмять, это эротика или… извращение? А мои возбуждающие массажи куда отнести? И когда начинается измена – когда погрузишься в нее на сантиметр? А если мне нравится просто лежать рядом… без погружения, без ласк… и ощущать это юное тело? Н-да… Странная штука – допустимые компромиссы.

Вадим уткнулся лицом в жестковатые локоны подружки и тоже уснул, приказав себе проснуться через три часа. По его нынешним потребностям даже много – если б не Кира под боком, он обошелся бы двумя.

Но через час их разбудил писк Кириного сотовика, и бесцветный голос Алекса, ее шефа, с трудом пробившись через помехи, затребовал девушку к себе. С сожалением она выбралась из пригретой постели, быстренько облачилась в одно из своих парадных платьев, отказавшись даже от настоящего кофе, заимствованного у крутарей.

– Мне с тобой скучно, – сказала Кира на прощание. – мне с тобой спать хочется. Причем постоянно. – И чмокнула в щеку. – Чао!

Из окна Вадим проследил, как девушка выбежала из подъезда, впорхнула в притормозившую на секунду машину – бесшумную, неприметную, тут же исчезнувшую за поворотом, – и ощутил разом грусть и облегчение.

С одной стороны накрылись эти уютные маленькие радости, связанные с ленивой побудкой, нежностями и шалостями в постели, неспешным наведением марафета, взаимным обхаживанием, превращаемым едва не в эротическую игру… с благодушной трепотней за изящно сервированным столиком.

С другой – наконец-то Вадим был один, впервые за столько времени. Словно в анекдоте про схоронившего жену грузина: “Адын, савсэм адын – вах, вах… Савсэм адын, да? Асса!..”

Не одеваясь, он прошелся по комнатам, проверяя все закутки уже на отдохнувшую, ясную голову. Но место и впрямь оказалось чистым. Даже Эва сюда не заглядывала, увы. Где ее-то теперь носит?

И где носит Шершней? Ведь уцелело их немало и все в латах, при оружии. А к этому не менее трех вертушек и столько же ходульников. Грозная сила!..

Вопрос: где Шершни прячут технику? То ли у них запасная база, то ли их приняла Крепость – если Рой вправду ее детище. Во всяком случае прочесать окрестности не помешает, благо у росичей теперь преимущество в воздухе.

Отодвинув от стены шкаф, Вадим принялся выгребать из ниши свои приборы, расставляя по комнате. И перебирать книги, накопленные за столько лет, – прикидывая, какие из них стоит освежить в памяти, и с сожалением убеждаясь, что помнит все наизусть. Будто его прибывающая *жизне -сила* взялась и за память, подпирая энергией каждую ячейку, разгоняя временной туман.

Итак, от Шершней следы ведут в Крепость, размышлял Вадим, копаясь в вещах. Уж не на самый ли верх? Ну, не к Первому, конечно, – иначе он не стал бы науськивать на Шершней спецгардов. Но кто-то из Глав вполне мог замараться. Кстати, объяснимо: не имея сил на открытый террор, Рой используют для темных дел, с его помощью устраняя конкурентов, оппозицию, просто несогласных. А заодно наваривая, где только можно, благо “свободный мир” всего в шаге.

Или наоборот: это Главы подчинены Шершням? В самом деле, каким должен быть правитель, чтоб ему повиновалось такое чудище, как “король”!.. А на сотрудничество они не пойдут – здесь уж кто кого подомнет.

Нет, помотал головой Вадим, еще одной ступеньки я не выдержу. Это куда же нас заведет!.. В любом случае с крепостниками надо разбираться – пока по крутарям не ударили всеми силами, разнеся вдрызг их непрочный союз. Кажется, параллельные миры: Крепость и частники, – наконец пересеклись. И чем это чревато – аннигиляцией?

Вадим вздохнул: кому интересны домыслы? У крутарей слишком здравый ум, чтобы на таком шатком фундаменте строить политику. Требуются факты, а где их взять? Через Киру? Бог мой, слишком опасно! – испугался он, вспомнив Алису. И Алекс меня к верхам не подпустит. Кто я для него? Неуправляемый, своевольный субъект, способный самому Первому

свернуть шею… ну, не свернуть, ладно, а, скажем, выкрасть его. На месте Алекса я поостерегся б с таким связываться, а он в своих делах не дурее!

Какие остаются подходы – Главк, Студия? Черт, больше ничего в голову не приходит… Хотя (машинально Вадим бросил взгляд в окно) есть ниточка. Как же я забыл!

Он сунулся в свой старенький сюртук и удивленно фыркнул: опа-на! Всего-то пару деньков не одевал, а не втиснуться. Уже предвкушая, Вадим взялся за брюки, еще недавно свободные, и с трудом натянул на себя. “Ну и бедра!” – как говаривала медичка в травмопункте. Сваи бы из таких делать.

Нехотя он подошел к зеркалу, куда давно не заглядывал, и ужаснулся: вот так образина!.. То есть вообще даже красиво (для тех, кто понимает), но очень уж из ряда вон. Пропорции – героические, разве голова великовата: не один к девяти. И кто утверждал, что больше унции в день не нарастить? Похоже, тут счет идет на фунты, если не на пуды. Даже если всю последнюю еду пустить на билдинг… И сколько это выйдет?

Кое-как одевшись, Вадим вышел из дома и по знакомой тропке направился к общаге, в которой не был с того памятного утра, когда узнал про гибель Алисы. Следующей же ночью потерял Юлю, на другой день встретил Эву – и пошло, завертелось: крутари, найты, Шершни!.. Не то, чтобы наведаться, вспомнить было некогда. А ведь остались неясности.

На всякий случай Вадим отвел взор старушки-придверной, благо тот уже мало отличался от луча, и по стертым ступеням поднялся на самый верх. Конечно, к этому сроку общага опустела, словно вымерла. Если кто и задержался дома, то в коридор носа не казал, дабы не напороться на бдящего домового. (Потом доказывай, что не верблюд!)

К счастью, массивная дверь, стерегущая верхний этаж, открывалась прежним кодом, и к ней не пришлось применять силу. Зато следующая, охранявшая покои Марка, на уговоры не поддалась, а потому подверглась взлому, хоть и предельно щадящему.

Ласковый насильник, ну да! – усмехнулся Вадим и вступил в квартиру свежевыпеченного “отца”, из которой тот наверняка уже выехал. Теперь благоденствует где-нибудь в Центре, наслаждаясь положенным комфортом, плещется в личном бассейне.

Хотя здешние покои тоже были не бедными, если сравнивать с прежней конуркой Вадима. После убийства в квартире не прибирали, и вообще вряд ли кто ее посещал, разве сам Марк забегал за самым насущным. А может, не забегал – ему и на новом месте все подготовили. К чему помнить о прошлой жизни? “Отряхнем его прах…”

Мягко ступая по ковру, Вадим прошел в спальню, где якобы всё и случилось. С порога внимательно огляделся, чтобы составить общее впечатление.

Оказалось не так страшно. Если кто порезвился тут, то уж не Мститель, при котором кровь и клочья фонтанировали, зашлепывая все вокруг. Правда, и тут хватало бурых пятен, однако наносили их вовсе не с такой силой, когда от каждого шлепка брызги разлетаются на метр. Здесь расстарался человек, только желающий сойти за Мстителя. И на мясорубов не похоже: те подходили к делу с душой. (Или что там у них?) А в этой имитации ощущался расчет.

Итак, подумал Вадим, есть два вопроса: кто убил и кого? Ведь всё со слов – сыскарей, Бондаря. Как можно им верить? Если б тогда допустили к телу, уж я бы определил, принадлежит ли оно Алисе. Но где теперь искать останки!.. И не хочется, если честно.

Однако кого-то здесь убили – я чувствую, *вижу* ! Наверняка женщину, наверняка – молодую. И достать убийц необходимо. А кто подпадает под подозрение, если исключить чужих? Круг-то знакомых не слишком широк. Тимка был со мной, да и какой из него убийца!.. Марк? Ему-то зачем? Или он и есть тот загадочный некто, с кем Алиса делилась Хаосом? Как-то не вытанцовывается, нет…

Со вздохом Вадим приступил к обыску квартиры, помогая себе *облаком* . Но ничего не нашел, хотя обшарил каждый сантиметр. После Мстителя остались бы шматочки плоти,

залетевшие в укромные места, – не говоря о прочих следах, достаточно характерных. Мясорубы в своем иступлении натоптали бы отпечатков, измазюкали б пятернями двери. А тут лишь озерца крови да обрубок тела. Голову, кисти, ступни как нарочно уволокли. Зачем – чтобы не опознали труп? А увечья смахивают на показуху: по виду жуть – смысла никакого. Если сыскари не напутали с хронологией, главные надругательства произвели уже над мертвой.

Ничего толком не выяснив, Вадим покинул квартиру (где его так радушно и так часто привечали), а затем и душную эту общагу, свою "колыбель". Знакомая тропинка повлекла к остановке. Но Вадим не поддался и сперва завернул домой, чтобы поехать в КБ на собственном транспорте.

За несколько дней, что он отсутствовал, порядки в Крепости изменились. Прежние блюсты, ленивые и хамоватые, уступили место Боевым Псам, со рвением утюживших дороги тяжелыми триколесами. А блюстов, судя по всему, отправили патрулировать окраинные районы, взамен машин снабдив лошаками. Ни к чему жечь дефицитный бензин – опять же воздух чище!..

Триколесы гляделись куда внушительней старых двуколесников. Темная броня закрывала их отовсюду, расширенный задок венчала полусфера со сдвоенным пулеметом. А экипаж состоял теперь из трех – по человеку на колесо, как и раньше. Вряд ли такие излишества нужны внутри Крепости, зато для борьбы с внешней угрозой они годились. И вряд ли под угрозой понимались пришлые чудища.

Не доезжая пары кварталов до КБ, Вадим спрятал колесник в укромном дворе и остаток пути прошел пешком. Заморочив придверных, он незамеченным проник на территорию и поднялся в родную лабораторию, где отпахал столько лет!..

Вот здесь не поменялось ничего, разве стало еще жарче – уже не спасали ни жалюзи, ни старенькие кондиционеры. А раздевания в КБ не поощрялись. Стоило расстегнуть сюртук или снять галстук, как за тебя принимались надсмотры. Некоторые смутьяны этим пренебрегали, но таких тут почти не осталось.

И вообще, Вадим застал в комнате немногих. Лабуправ Толян, еще более толстый и потный, чем раньше, зажатый в углу собственным столом, что-то строчил, по обыкновению бормоча под нос. Еще пара спецов с воспаленными глазами корпела за батареей гудящих приборов – вероятно, поджимали сроки. А из уютного закутка, выстраданного Вадимом за годы службы, доносились шорохи – опять кто-то из лаборанток пристроился с вязаньем.

Подняв лысеющую голову, Толян уставился на Вадима с радостным изумлением.

– Ишь ты, живой! – воскликнул он. – А мы уж не чаяли, испереживались все!..

– Знаю я вас, – не поверил Вадим. – С глаз долой – из сердца вон. Первый раз, что ли?

Помахав рукой страдальцам-авральщикам, он подошел к Толяну, с опаской опустился на расхлябанный стул.

– Где ж пропадал столько? – На лице лабуправа проступила озабоченность: – И что объяснять надсмотрам?

– А наплюй, – посоветовал Вадим. – Я здесь больше не работаю.

– Ну? – вскинул брови Толян. – В монастырь, что ли, ушел – вслед за Ларой?

Невольно он вздохнул, что-то припомнив. Ах, старый греховодник – и тут наследил!..

– Зачем мне в Туле самовар? – возразил Вадим. – Да и в Тулу мне ни к чему. Я вышел на "большую дорогу" – она же "светлый путь"!..

Отогнув полу кафтана, он показал небольшой огнестрел, прихваченный на случай. Глаза у лабуправа округлились.

– Ты что? – спросил он шепотом. – Заметут!

– Эх, Толян, – вздохнул Вадим. – Говорил же: кончай бояться – подумай о душе!.. А ты все о пузе печешься. – Он снова прикрыл оружие. – Ладно, какие новости?

– Новостей-то хватает, – ответил лабуправ, переведя дух. – Оросьев заделался главным режимником, как ты и предрекал.

– Ну, тут не надо быть семи пядей!..

– Асеньку забрал к себе – секретаркой. Нонну пока оставил.

– Стукачкой – взамен себя? – Вадим хмыкнул. – Обеих, значит, пристроил, не мелочась… А что Никита, всё правду ищет?

– Вроде накушался уже, потух. Вообще после службы никто не дергается, всем хватает тивишника. И, знаешь, программы впрямь стали лучше: раньше смотрел с разбором, теперь – подряд.

– Может, адаптируешься – а, пузан? – предположил Вадим. – Падает планка-то?

– Разве у меня одного?

– В том и беда, – буркнул Вадим. – Довели людей сериалы! Прежде потребляли концентрат, какой-никакой, нынче – кашку, размазанную по блюду. Сделать из Дюма тягомотину – это ж суметь!.. – Он осклабился, точно крутарь: – У вас не отобрали еще последние лампы? Для освещения сойдут и тивишники. Из всей техники только они остались.

– Ну почему? – возразил лабуправ. – А водопровод?

– Действительно, роскошь! И зачем он, если медовухи полно?

Вадим повел носом: непохоже, чтобы Толян транжирил воду. Раньше-то он был чистюлей, несмотря на потливость. Но потрепаться любил всегда – “находка для шпиона”. И, кажется, за последние дни его зарядили лояльностью по макушку!

– Обстановка нагнетается с каждым днем, – чесал Толян как по-писаному. – Погоды портятся, крутари вконец распоясались, кольцо блокады сжимается… Ну не дает врагам покоя наша свобода!

– Это у вас-то свобода? – изумился Вадим. – “Шаг в сторону – считается побег”!.. Все ищешь виновных на стороне?

– Так работой же завалили, вздохнуть некогда!.. Думаешь, спроста? Говорят, на Крепость готовят налет. То ли крутари, то ли федералы, то ли вместе. И что тогда: всех под ружье? Стар я уже сабелькой махать и в окопе не помещусь. Ты-то слинял, а у меня дети…

– Бедненький, еще заплачь! – фыркнул Вадим. – Конечно, и я “лежачий камень”, но, по крайней мере, не нытик. А уж как вы жалеете себя – другим тут делать нечего!..

После крутарей, зубами выцарапающими у судьбы потребные блага, его стало раздражать обычное безволие крепостных, больше похожее на инфантильность. Эти хиляки даже не гребут сами, но дрейфуют, куда течением несет, а из всякой ерунды делают неодолимое препятствие!

– И от маргиналов житья не стало, – прибавил Толян. – К помойке не подойти: все время кто-то копается, иногда по нескольку, – даже боязно, вдруг набросятся!.. Как бездомные псы, ей-богу. Вот не думал, что на наших отходах сможет прокормиться столько народу!

У него даже интонации переменились, сделались жалостливыми и плаксивыми, как у профессионального нищего. “Господа, подайте что-нибудь бывшему депутату Государственной думы…”

– Вообще, жизнь становится непонятней. Хотел с тобой потолковать, да где ж тебя сыщешь!..

– А позвонить было трудно? – спросил Вадим. – Я ж оставлял номер. Что ты так боишься трубок – током, что ли, шибануло?

– Это же номер порта, – возмутился лабуправ. – Мало меня шпыняют!..

– По-твоему, это самое страшное сейчас? Толян, ты хоть оглядываешься окрест!.. Когда придут тебя свежевать, что им скажешь: “Я не звонил в порт”?

– Типун тебе!..

– Смотри! – сказал Вадим. – Мое дело: прокукарекать. – Он помолчал, с сожалением разглядывая Толяна. – Ладно, вернемся к новостям… Оросьев, значит, взлетел. Кто еще?

– Зато Управителя не видно – задвинули напрочь! Ныне тут правит отец Марк.

А об этом предупреждал Гога-системщик, “матерый человечище” кавказских кровей. Кажется, пошла в ход дублирующая пирамида. Сколько ж “отцов” в губернии? Марк-то еще низшее звено – так сказать, приходской священник. Неужто у них такая же иерархия, как у Шершней, – вот смеху-то!..

– Папа! – воззвал Вадим, скривив лицо. – Наконец ты к нам пришел!

Толян опять посмотрел на него с испугом, затем огляделся: не слышит ли кто? Да что ж они такие робкие!..

– А куда все девались? – спросил Вадим. – Для обеда вроде рано.

– Так в молельном же зале!.. Третьего дня посещение проповедей вменили в обязанность. Верующий ли, нет, а присутствовать должен.

– Что, сам и проводит? – небрежно спросил Вадим. – Максик-то.

– Ну зачем… Мало у нас говорунов? Та же Ираида, к примеру, бывшая его секретарка, – шпарит, как заводная. Или Оросьев – этому только дай!.. А Макс возникает ближе к ночи, и то не каждый день, – в главке ошивается или еще где.

– И как вам новый боженька? Наверное, тоже меняется, становится все грозней – как наши Главы. И сотворили Господа по своему подобию!..

– Чур меня! – совсем испугался Толян. – Хотя бы Бога не замай… Кстати! – вспомнил он, обрадовавшись поводу сменить тему. – Тебе ж звонили – перед самым собранием.

По совместительству лабуправ служил тут телефонным диспетчером. Хотя теперь это стало нехлопотно – откуда звонить-то? В общагах трубки сохранились только у домовых, на улицах будки давно порушили.

– Кто? – спросил Вадим.

– “Итак, она звалась” Оксаной, – подмигивая, сообщил толстяк. – Будет ждать у общаги.

– Во сколько?

– Я так понял, пока не придешь.

– Ч-черт… Кто-нибудь еще это слышал?

– Ну… кажется, Нонна.

– Ч-черт, – снова сказал он. – Пся крэв!.. И там она же? – Вадим кивнул на свой закуток.

– Угу.

– Черт! – в третий раз выдал он и поднялся.

– Э-э… Куда? – заволновался лабуправ. – Ну постой, Вадик, так же нельзя! Раз пришел, я должен тебя задержать – до выяснения. У меня инструкции!..

– Может, и силу применить? – спросил Вадим. – Толян, ты чего?

– Может, и силу, – подтвердил лабуправ, кряхтя от неловкости. – А ты как думал? Мне ж отвечать!

И принялся строить знаки двум камикадзе, пристегнутым к приборам. Неуверенно переглядываясь, те стали подниматься.

– Это и раньше б не вышло, – возразил Вадим. – Даже если забыть о стволе.

Не напрягаясь, одними пальцами, он оторвал от пола тяжелый стол, подержал с пяток секунд. Затем вздохнул и добавил:

– Что с вами, парни? Распустились без меня. Всего неделю не был!..

– Вадя, а чего ж делать? – проникновенно спросил Толян. – Тебе-то хорошо – одному. А у меня семья и обязательства. Я не могу вытворять, что хочу.

– Еще и обязательства, – хмыкнул Вадим, качая головой. – По-моему, это еще ниже долга, не говоря о чести. А уж до совести тут!..

– Сам же говорил: нельзя требовать от людей святости, – напомнил толстун. – Это безнравственно!,

– Слишком ты себя жалеешь, – сказал Вадим. – И потому жалеть тебя не хочется.

Потянувшись, он выдрал телефонный шнур из гнезда, подмигнул ошарашенному Толяну и двинулся к двери – на сторонний взгляд, метнулся. У порога оглянулся, встретясь глазами с Нонной, напряженно пялившейся из угла, состроил жуткую гримасу, заимствованную у серков, дополнил устрашающим жестом, подсмотренным в кино, и нырнул в проем.

А вдруг подействует? Десяток минут форы ему бы не помешал.

Для надежности Вадим подпер створку железным шкафом, единым махом передвинув от стены напротив. Вот вам: визитная карточка богатыря. Эх, раззудись плечо!.. Жаль, Максика не застал – уж я б его расспросил, со всем почтением к сану. Все-таки сколько их, этих “отцов”, – тоже полторы сотни, как Шершней?

Выскочив на лестницу, Вадим едва не столкнулся с рослой девицей, тотчас заступившей ему дорогу. Не сразу он узнал Руфь. Магнетический блеск в выпуклых глазах, надменная осанистость, шикарный костюм, пышная прическа – в ней мало осталось от прежней “мышки”-надсмотрщицы, вкладывавшей душу в свою службу. И тянуло к ней, почти как к Алисе.

А может, сходство не случайно? – подумал Вадим. Ведь обеих почтил вниманием Марк!.. Или то был не Марк? Или это вовсе иная пирамида – сугубо женская? И кто на вершине?

– Ну наконец! – с издевкой воскликнула Руфь. – Я так скучала!..

– Заняться нечем? – огрызнулся Вадим. – Найди дело, чтоб не скучать!

Рывком обогнув девицу, он скатился по ступеням, перемахнул ограждение и побежал дальше, не обращая внимания на ругань придверных. За секунды проскочив оба квартала, оседлал колесник и рванул с места, вылетев на дорогу перед накатывающей четверкой трикколесов. Вильнув, впритирку увернулся от переднего, грузного как носорог, и погнал свою машину прочь, разгоняя на пределе.

2. Гости из захолустья

“Вот и опять возникла Оксана, юная ведьмочка из глухомани, – думал Вадим, все прибавляя скорость. – Недели не прошло! Что ж там стрялось? Ведь оставил им адрес, предлагал обращаться, сам хотел наведаться – так и не выбрался. Позор на мои седины!..”

Звонила она скорее всего с сотовика: в обширном хозяйстве Михалыча вполне могла сыскаться такая вещица, в общем ему не нужная. Либо – второй вариант – из окрестностей порта, зоны росского влияния, заскочив к кому-то из знакомых. И надо ж было ей нарваться на Нонну!.. Если та успела передать по цепочке, дело лишь за расторопностью Псов.

Еще издали Вадим увидел старенький открытый джип, на полной скорости мчащий по пустынной улице. Вплотную за ним несся обтекаемый триколес, медленно настигая, – все-таки на прямой он оказался быстрей. Но куда большим было преимущество у Вадима, оседлавшего княжеский двуколесник. Срезая угол, он пронизал чахлый парк, слетел, будто с трамплина, с метрового обрыва, нависшего над шоссе, и приземлился в десятке метров позади Псов. До джипа тем оставалось еще меньше, но это не играло роли.

На полном ускорении Вадим догнал триколес, в момент сшибки вдруг вскинулся с седла и, подхваченный инерцией, перебежал со своей машины на чужую. Соскочив в люк, он аккуратно, в три касания, отключил всполошившихся Псов, тут же перехватил управление и затормозил. Затем, поднатужась, выворотил с корнями пульт, чтоб не шалили больше, и

выбрался из машины, озирая окрестности. Других патрулей поблизости не наблюдалось, и слава богу.

Джипик уже подкатывал к нему, успев развернуться. Потом из кабины выпрыгнула Оксана и кинулась к Вадиму, будто не видела его год.

Ее личико оставалось столь же милым и по-детскому свежим, а роскошная коса короной венчала гордую голову. Но в глазах читалась усталость, пока затмеваемая возбуждением. Тяжкие потрясения, боль и горе – вот что он *слышал* в ее сознании. Это не считая бессоной ночи.

В отличие от прошлого раза, Оксана оказалась одетой в ситцевый сарафанчик, больше похожий на ночнушку, а вдобавок босой – будто ее застали врасплох. Такой наряд гляделся странно посреди города, зато открывал едва не больше, чем прятал. И теперь Вадим смог оценить кожу лесной ведьмы – матовую, как у ребенка, немыслимо гладкую, лишенную не только родинок или волос, но даже обычного девичьего пушка. Уходим от предков все дальше, да?

Вопросительно заглянув Вадиму в глаза, беглянка шагнула к нему и прижалась, пряча лицо на груди. Она не плакала, не жаловалась, однако все тело сотрясала нервная дрожь, не стихавшая, наверно, много часов. Отложив расспросы, Вадим закрыл ее спину руками, вбирая в себя горячку, гася вибрацию – благо весил против нее втрое. Умница Оксана не препятствовала, даже старалась помочь, как умела. Понимала: в таком состоянии от нее мало проку.

А за ветровым стеклом джипа виднелись головы других ездоков: ребячья, кудлатая, и звериная, будто медвежья. Обе напряженно пялились на Вадима, то ли узнавая, то ли испытывая.

– Ну, – наконец спросил он, – что стряслось?

– Папеньку изловили, – сообщила Оксана тихо.

– И в клетку посадили, и надпись написали… Что значит: “изловили”?

Присев на массивный бампер триколеса, Вадим усадил девушку рядом, взял ее руки в свои, продолжая делиться теплом.

– То и значит, – сказала она. – Вы ж помните, как толковал он про своего нутряного Зверя? Его и подловил чужак, а с ним – папеньку.

– Какой чужак? – спросил он. – Хозяин? Мы ж его изолировали!..

Оксана помотала головой:

– Другой, в людском обличье. Ночью пришел.

– Ногами, что ль?

– Не своими – железными.

Все-таки заразил Михалыч дочь странностью своей речи – вычурной, перенасыщенной образами. Теперь вот разбирайся!

– Ходульник, да? Так это был Шершень? Один?

– Много. Однако прочие не в счет. Да мы б и отбились, кабы не их главный.

– “Король”? – догадался Вадим. – Вот где он всплыл!..

– Он приказал, и папенька открыл ворота. Я не успела задержать и вряд ли б смогла. Хорошо, пальнула из гранамета по ходульнику, подбила лапищу, а то бы не спаслась. Папенька-то гнался за мной, вместе с парой шипастых, – но, видно, не изо всех сил, иначе б не убежала. А со мной припустил Бэк, хитрюга мохнатый.

– Где машиной-то разжилась?

– Так держали же в сарае на случай – всего и надо было, что рощицу пересечь!.. А в ней ловушек полно. Кто-то даже попался – из догонял.

– А это что за чудо? – Вадим кивнул на пацана, уже выбиравшегося из машины.

– То Алеха-слухач, сын охотника Мирона, – ответила девушка. – Разве не помнишь?

– Такое не забывается – как страшный сон. “Ты не слухай их”, верно? – спросил он. – “Пусть себе зовут!”

Малец шмыгнул носом и кивнул с солидностью.

– На дороге подобрала, – добавила Оксана. – Взрослые подсмеиваются – вот он и решил добыть Хозяина.

– Не слабо! – качнул головой Вадим. – Старичок, ты показался мне разумней.

– А это видал? – распахнув пальтецо, Алеха показал гирлянду миниатюрных гранат, развешенных по груди. – Мне Гризли напривозил – по одной за ходку. Знаешь, как бахают!..

– Голову оторвать твоему Гризли, – проворчал Вадим. – И в гостиную вместо трофея. Чем он думает?

– Да ладно, чего там!..

– Дома не хватятся? Папка, небось, с ума сходит.

– А неча насмехаться! – непримиримо отрезал малец. – Умру, а себя докажу!

Из кабины скакнул к Вадиму косматый зверь и обрушил тяжелую башку ему на колени, словно давнему приятелю.

– И тебе привет, Бэксик, – обрадованно сказал Вадим, в две ладони меся могучий загривок. – Хорош, хорош!..

Песик и впрямь впечатлял. Конечно, не чистых кровей – так и не надо. Наверное, тут скрестили ирландского волкодава с кавказцем, а может, еще и с волком – судя по загадочным прозрачным глазам. И получился зверюга, превосходящий родителей силой и проворством. А имя пса указывало на известную начитанность Михалыча. Кто сейчас помнит Лондона с его “Зовом предков”?

– Ладно, поехали, – сказал Вадим, поднимаясь. – Теперь поведу я – никто не против?

Он уложил двуколесник, слегка помятый после падения, в кузов автомобиля и сел за руль. Джипик оказался вполне бодрым, несмотря на преклонные года. Пластиковые бронещиты, закрывавшие машину с боков и спереди, не слишком ее утяжелили, а мотор тянул как молодой. Лишь бы не случилось на пути новых загонщиков – но за этим приглядит *мысле-облако*.

Оксана затихла в соседнем кресле, однако продолжала жаться к Вадиму, словно продрогла до костей. Алеха в своем углу смачно лузгал семечки, сплевывая в исцарапанный кулачок. По сторонам он поглядывал, но без особого интереса. Похоже, тутошняя жизнь была бы ему скучна. Вот гонять зверье по лесам – это да!.. Бэк дремал, едва уместившись у Алехи в ногах.

Проезжая помойки, Вадим почти у каждой замечал маргиналов, влезших в ящики едва не по пояс, – по двое, по трое. Если в Крепости расцвело махровое средневековье, то эти и вовсе вернулись к собирательству, точно пещерники. Сосредоточенно они разгребали мусор, набивая растянутые карманы, иногда сразу совали в рот. Рядом громоздились драные пластиковые пакеты, некоторые даже обзавелись колясками. Дворняги не гоняли их, и даже Псы словно не видели, – вероятно, потому, что маргиналы сильно облегчали вывоз мусора, устраивая вторичную переработку.

Бедняги казались пришельцами из иного мира, живущего по странным правилам. И какая судьба им уготована? Может, для того их и прикармливают, чтоб устроить Большую Охоту. Как на кошек и собак годом раньше. И похожие “дяди Проши”, местные цари природы, будут гоняться за маргиналами с железными дрючьями, добивая тех, кто спасся от пуль.

– Вот и приехали, – сказал Вадим, впритирку проводя джипик меж гранитными надолбами, перегородившими улочку, словно погранстолбы. Колесник посолидней тут бы не протиснулся – хотя для таких найдутся другие ходы, возникни надобность.

Помимо укрепленного поселка росичи пустили прочные корни и в самом Городе. Большинство их данников гнездилось вблизи речного вокзала, где помещалась росская база. Другая резиденция росичей, куда менее известная, располагалась в бывшем Дворце Спорта, посреди обширного дикого парка.

На вокзале заправлял росский вожак Скиф, давний знакомец Вадима, кряжистый и сивогривый, чем-то похожий на Бату – наверное, вислыми усами. Хотя заправлять особенно было нечем, поскольку в подчинении Скифа осталось человек пять, а прочих поглотило Шершневое Гнездо, с утра переименованное в Подземный Замок.

Зато с приездом гостей забот у вожака прибавилось сразу и намного. Ибо не успели те подняться в его кабинет, как на привокзальную площадь выкатили четыре Псиных триколеса и застыли против здания, нацеля пулеметы на окна. Очень впечатляющая картинка – такой здесь не видели со времен Отделения.

– По-моему, я уже встречал эту четверку, – заметил Вадим. – Вот привязались!..

– Не нравится мне это, – откликнулся Скиф, угрюмо разглядывая машины. – С чего блюсты раздухарились?

– Это Боевые Псы, – поправил Вадим.

– Один хрен!.. Прежде себе не позволяли.

– Прежде и вас было тут больше.

Вадим не стал объяснять, что вообще-то, если подойти формально, первым напал на Псов он сам. Собственно, что ему оставалось?

– Думаешь, они знают об этом? – забеспокоился Скиф. – Дьявол!.. Может, садануть по ним для острастки?

– Ну, горяч!.. Прямо, как молодой. И много у вас подствольников?

– Один.

– И только?

– “Всё для фронта”, слышал? А сколько раздали!..

– Вот то-то, – сказал Вадим. – Так что не лезь на рожон – еще не время.

Заслышав жужжание вертушки, он высунул голову в окно.

– А это кто – Шершни? – мрачно спросил Скиф. Похоже, он больше не ждал от жизни хорошего.

– Росичи, – возразил Вадим. – Руслан с Корнеем.

– Ну!.. Это кстати.

“Ворон” спланировал на плоскую крышу вокзала, и если им действительно управлял Руслан, то мастерства в нем явно прибавилось.

Только затихли лопасти, как на плиты спрыгнул гигант в Шершневых доспехах, уже перекрашенных в бежевые тона (хорошо, не белые), и побежал к дальнему краю, зажав под мышкой шестиствол. Его напарник, оставшись в кабине, нацелил на площадь плазмомет, грозно поводя им из стороны в сторону.

Демонстрация возымела действие: триколесы отступили на приличную дистанцию и снова выстроились в ряд, наставив стволы.

Тотчас Руслан забросил пулемет на плечо, и по винтовой лестнице сбежал вниз, в перегороженный стеклянными стенами зал, где возле окон засели росичи с огнестрелами, пока стараясь не маячить. Приблизясь летящей поступью, юный великан сдержанно кивнул вожаку, радостно улыбнулся Вадиму, застенчиво поклонился Оксане. Он уже совершенно оправился после ночных потрясений (что значит “мертвая вода”!) и выглядел даже цветущим, исполненным сил. Недавнее ранение, почти равное смерти, не прибавило ни слабости его телу, ни робости душе. И он уже перешел в новое качество, – это читалось в его сознании.

Невольно Вадим залюбовался новым персонажем. Росич был столь же красив, как юный серк, исчезнувший с Юлей, и почти столь же статен. Вдобавок его лицо светилось

благородством, чего в серке не могло быть по определению. В скором времени из Руслана наверняка проклюнется богатырь – если опять не кинется кого-то защищать и не нарвется грудью на сталь. И кто тогда станет поливать беднягу “мертвой водой”?

– Брон велел не вязаться, – сообщил юноша. – Будут напирать – загрузиться в вертушку и отчалить. Сейчас не до них – после сочтемся.

– И все тут бросить? – возмутился прижимистый Скиф. – Жалко ведь!

– Ты б видел, сколько добра припасено в Гнезде, – не удержавшись, Руслан расплылся в счастливой ухмылке. – Забудь про колеса – теперь мы обзавелись крыльями!

– Как же, разлетался!.. Орелик.

В одном из триколесов открылся люк, и наружу выбрался здоровенный, мордатый Пес. Вразвалку приблизился к зданию, призывно помахал толстой рукой. Поколебавшись, Скиф встал по центру окна, молча воззрился на парламентера.

– Мы за девкой прикатили, – объявил Пес, ухмыляясь. – Чё на вас наезжать? Она из нашего стада, точно! И папашка переживает.

– Да пусть удавится – нам-то что?

– Она ж почка совсем: семнадцати нет! А это киднепинг, разве нет? Преследуется законом – по всей губернии.

Искоса Скиф посмотрел на Вадима.

– Беглых не выдавать, – сейчас же сказал тот. – Старинное правило вольницы!.. К тому ж он врет, сам знаешь. Михалыч такой же крепостной, как и вы.

Руслан кивнул, ласково улыбаясь. И эта его улыбка не сулила Псам доброго. Чистый паренек, но без сантиментов, – занятное сочетание.

– Пусть придет отец, – пробасил вожак. – С ним потолкуем. А вы – проваливайте!

И снова укрылся за стеной.

Пожав плечами, Пес развернулся и потопал к машине. Квадратная его спина, устланная пластиковыми ромбами, выказывала что угодно, кроме почтения.

– Подпалить один, что ли? – спросил Скиф, глядя на триколесы. – Для наглядности.

– Тебе бы все палить, – рассердился Вадим. – Дорвался!..

В крайнем случае он мог ринуться на Псов прямо из окна – вместе с Русланом. При нынешнем их проворстве этого хватило бы для успеха. Да только к чему высвечиваться? Он уже сигал сегодня с колесника на колесник, но такие фортеля еще можно списать на обычную ловкость.

– Сделаем вот что, – сказал Вадим. – Им ведь и вправду нужна Оксана. Ну так мы загрузимся с нею в “ворон” и улетим, а они пусть это видят. В усиление оставим тут пулемет и пару подствольников, но, полагаю, Псы уберутся, лишь только птичка упорхнет. На кой им вокзал? Не революция, чай!..

На том и порешили. Вместе с Вадимом в вертушку забрались Оксана с Алехой и “сопровождающий их” пес. А побратимы-росичи разделились. Корней принялся крепить на окне чудовищный шестиствол, в одиночку переспоривший бы все Псиные огнестрелы. Руслан, уступив управление Вадиму, сел рядом с ним, за еще более грозный плазмомет. Пассажиры устроились тут же, в кабине, на откидных сиденьях – исключая Бэка, сразу растянувшегося на полу. Неизвестно, летал ли он прежде, однако странной машине не доверял.

Сейчас же взлетели, для острастки сделав круг над строем триколесов, затем круто набрали высоту, скрывшись за тучами.

– Что за публика? – спросил юноша, кивая вниз. – Раньше не встречал.

– Боевые Псы, – со вздохом откликнулся Вадим. – Новая порода, свежевыведенная. В блюстах-то надобность отпала – пора и им на свалку! Нынче крепостные ходят по струнке, повинуясь окрикам надсмотров, – а значит, высвободились ресурсы. И пришло время взяться

за неприструненных: умельцев, торгашей, наймитов. Так что борьба двух систем переходит, кажется, в новую фазу – открытую.

– Хорошо, – помолчав, сказал Руслан. – А Оксанка им на кой?

С интересом Вадим покосился на него. Кажись, и этот нашел свою ведьму! Что же, всё правильно. Во-первых, ее требовалось защищать. Во-вторых, в ней бил живой родник, коего недоставало самому витязю. В-третьих, и это главное, девочка "чудо как хороша"!.. И чем плох сам Руслан?

– А на кой она Шершневому "королю"? – спросил Вадим. – Ведь это он пленил Михалыча. Никто другой оборотня бы не подмял – только вампир!.. Но при свете, когда его Сила на спаде, потребовалась помощь легалов. И выходит, что Крепость наконец объявила о своей кровной связи с Роем.

– Вот так, значит, да?

– А какой смысл темнить дальше? Ведь они знают, что мы знаем.

Не видя земли и не включая локаторы, Вадим направлял "ворона" по мысленной карте. Наверняка его спутникам не терпелось узнать маршрут, но спрашивать не решались. Даже самостоятельный мужчинка Алеха помалкивал, уткнувшись конопатым носом в стекло. "Надо б его разоружить, – подумал Вадим. – Не то рванет всех, как террорист!" Но тоже не решился затронуть щекотливый вопрос. Что за компания собралась: один другого деликатней!

– Все ж я не понял, – снова заговорил Руслан. – Зачем "королю" Оксана?

– Действительно, странно, – кивнул Вадим. – Зачем бросать столько сил на поимку простой ведьмы? Наверное, она имеет что рассказать.

– О чем?

– О том, что творится в блокгаузе.

– А что там творится?

Глядя в сторону, Оксана передернула плечами, будто ей снова сделалось зябко. Но промолчала.

– Сколько повыбили Шершней, ты не прикидывал? – спросил Вадим. – Хорошо, если дюжины три-четыре. А было их втрое больше. И куда, по-твоему, делись прочие?

– А по-вашему? – откликнулся Руслан, глядя на него, словно на умудренного старца.

– По-моему, сейчас они скликают найтов, чтобы ночью ударить по Гнезду всей мощью. "Вставай, страна огромная!.." Но заняты этим рядовые Шершни – иерархия тут блюдется четко. Что до вожаков, они где-то отсиживаются, набираются сил для грядущей битвы. А сам "король", вероятно, отправился к хозяину за инструкциями. Ведь кто-то же произвел его в монархи?

– Я не знаю, – честно ответил Руслан.

Вадим вздохнул:

– Вот и я тоже. А знать надо. Но сперва придется разобраться с Шершнями.

Вообще с этим Роем сплошная путаница! – подумал он. Помимо трехуровневой пирамиды, простой и понятной, сюда затесались элитные Шершни-"солдаты". Если не путаю, они немногим уступают тамошним вожакам. Зато их собственный вожак, которого мы с Адамом еле заломали, намного превзошел обычных. Значит, каждому уровню отводится не фиксированное значение, а диапазон. Но если от элитной дюжины осталась едва четверть, то вожаки уцелели почти все. А их подпирает сотня раздраженных Шершней и бог знает сколько найтов. С такой силой не пошутишь!

– Михалыч не обычный оборотень, – сказал Вадим. (И сам усмехнулся: а что, бывают обычные?) – Людского и звериного в нем поровну, вдобавок есть прочная привязка – дочь. Он способен противиться "королю", особенно днем. Помните байки про красоток и чудищ? Если что и может удержать озверелого мужика от эксцессов, так это любовь, как ни

банально. А Михалыч дочь любит – по-настоящему. Именно ее, а не себя в ней. Его счастье, что он не стал Оксанку ломать под себя, как это принято в приличных семьях. Сейчас бы нить лопнула и – привет!.. А так даже “король” над ней не властен. И только это еще может спасти Михалыча. Ты ведь слышишь его, девочка?

– Вот здесь, – ладонью Оксана коснулась груди.

Невольно оба мужчины туда глянули. И оба оценили такое достояние, хотя по-разному. Руслан словно бы смутился картинки, тотчас нарисованной пылким воображением. А Вадим даже умилился этой неосознанной провокации. Ведьма есть ведьма, а у девочки, слава богу, имеется вкус. К мужчинам тоже, что радует.

– Когда станете “плодиться и размножаться”, не забывайте о таких поворотах судьбы, – назидательно молвил Вадим. – А то сами ж детки, как подрастут, и покажут вам “кузькину мать”, с коей их так усердно знакомили.

– Вот тут мне трудно жаловаться, – признала Оксана. – К тому ж папенька многому меня научил – не обо всем и расскажешь.

Проницательно Вадим на нее посмотрел: ну, интересно!.. Еще один пример практического секс-воспитания? То-то девочка так расцвела к семнадцати годам!.. Действительно, такое не все поймут.

– Этот научит! – пробормотал Руслан без особенной теплоты. Но тут же устыдился своей черствости: человек-то в беде… Или все же предатель?

– Не всем же быть правильными на все сто, – откликнулся Вадим скорее на его мысли, благо читать их было несложно. – Михалыч слишком незауряден, чтобы шагать в общем строю. А на “неведомых дорожках” легко заплутать.

– Ладно бы сам…

– А вот Оксану он за собой не повел – хватило ума! Сам-то не захотел отказываться от Силы – может, ради дочки, чтобы надежнее защитить. И ведь удерживал себя в рамках – опять же ради нее. Такой якорек у него образовался. Но всё работает до поры. И кто мог знать, что мы выкурим Шешней? А они кинулись занимать подвернувшиеся дупла!..

– А в дупле случился Михалыч, да? – съязвил юноша. – И тут же нанялся в пособники!

Оксана укоризненно на него взглянула. Но он лишь суровей насупил брови: мол, не купишь нас на девичью ласку, хотя б и столь сладкую, – у нас принципы!..

– Михалыч оказался уязвим, – признал Вадим. – У Черной Силы, дающей власть, есть оборотная сторона. Поэтому он держался вдали от города и сторонился наших дел, сколько мог. Но Сила сама его нашла.

– Разве нельзя было избежать? – сердито спросил Руслан. – Что ж он за столько лет ума не набрался? Ведь до седых волос дожил!..

– С возрастом редко становятся лучше, – возразил Вадим. – И даже умнеют редко. Это скорее исключение.

Он снова покосился на росича, начиная понимать. Похоже, в парне говорила обида – детская обида на старших, недодавших ему разумения. Ну да, свежая проблема: “отцы и дети”. А ведь какой здоровяк!..

– Нельзя спрашивать с людей больше, чем с себя, – сказал Вадим. – Даже если они старше и выше рангом. Попробуй примерить их роли – как бы себя повел?

– Предателем не сделаюсь при любом раскладе!

– И слава богу. Но проследи чужую судьбу по всей цепочке, шаг за шагом, – напрягись!.. Ведь у тебя есть мозги – пора учиться их применять.

– Разве не проще занять?

Вадим усмехнулся.

– Много лет я искал мудрость и любовь, – сказал он, – но не находил этого даже в себе. Чего ж тогда требовать от других?

– Может, у вас завышенные критерии? – предположила Оксана. – Вот мне повезло больше.

Девочка глядела на него с почтением, словно на оракула. Отец уже научил ее, чему мог, – очередь за другими. Похожее выражение читалось и на лице Руслана.

– Ребята, только не возносите на пьедестал, – рассмеялся Вадим, – ни меня, ни кого другого! Наверно, я понимаю больше вас, но вряд ли намного. Мне ни к чему ученики – самому б выучиться!..

Ему и впрямь было легче отождествлять себя с “детьми”, чем с “отцами”, – поскольку собственными не обзавелся. Здесь не столь важен возраст, сколько статус. Так что они по одну сторону баррикады, как ни смешно.

– Вот и долетели, – объявил Вадим, направляя машину к земле. – Surprise!

Облака на секунду развеялись, и внизу возник лес, казавшийся непролазным. Но прямо под ними заросли разрывала обширная поляна, плавно повышаясь к середине, из которой вырастал могучий блокгауз, похожий на гроздь гранитных валунов.

Невольно Оксанка издала возглас, подавшись к самому стеклу. А Руслан ухватился за рукояти плазмомета, нацеливаясь в шестиногий “жук”, зацепеневший перед воротами. Одна лапа у того была перебита, оттопырившись под странным углом. Снаружи дома никого не было, зато в глубинах многоэтажного подвала Вадим ощутил угрозу. И сразу устремился ввысь, пряча “ворон” в облаках.

– Но почему? – вырвалось у девушки. – Надо ж…

С усилием она притормозила и в ожидании уставилась на Вадима.

– Может, они и не сильнее нас с Русланом, – сказал он. – Зато их много.

Оксана продолжала на него глядеть.

– Помнишь байку про Соловья-Разбойника? – прибавил Вадим. – “Значит, нам туда дорога”!

– Хозяин? – сообразила ведьма. – Ну конечно!

– Вот и сгодилась сия куча. Сколько их было, Шершней-то, – не разглядела?

– По-моему, дюжина.

– Ясное дело! – хмыкнул Вадим. – Святое ж число – для чертей. Ну, “бог не выдаст”…

Без ошибки он вывел вертушку на новую цель и приземлился вблизи округлой, едва приметной землянки, похожей на крохотный холм. Сейчас же Алеха навострил уши, угрожающе озираясь.

– Только за гранаты не хватайся, ладно? – попросил Вадим. – Это как раз то, что ты “*слухал* ”, – но мы уж охомутали урода.

Распахнув дверцу, он спрыгнул на землю, а с другой стороны выскочил Руслан. Если он *услышал* могущественный окрик Хозяина, то вида не подал. Да и чем витязя проймешь? Слишком чист, слишком возвышен!.. Ему бы еще Круг пошире, чтобы за своих признавал всех. Зато у Оксанки этого вдоволь. «А ведь занятная порода может образоваться!» – не к месту подумалось Вадиму.

Он оглянулся на Алеху, но паренек уже притих, доверясь старшим. Уж это он понимал: кому из них можно верить.

Своротив замок, Вадим толкнул дверь и вступил в комнатку, сырую и затхлую, по центру которой высился исполинский белесый гриб, придавив старые носилки. Собственно, так его и оставили в прошлый раз.

– Сейчас, сейчас, – ворчливо заверил Вадим. – Получишь свое мясо, отзынь!.. Но сперва придется отработать.

Вдвоем с Русланом они вынесли носилки на свет, и тотчас Вадим явственно ощутил недовольство Хозяина. Слишком привык тот прятаться от сторонних глаз, всю грязную работу поручая “ангелам”.

– Ух ты! – выдохнул Алеха, увидев хищника. – Так он такой, да?

Похоже, у пацана хватило ума не разочароваться невзрачным обликом чудища. Тот и без того грозен – стоит лишь вспомнить о его жертвах.

В сомнении Вадим смотрел на паренька, прикидывая, не лучше ли тому переждать тут, пока они будут разбираться с Шершнями. Вот если бы в компании с Оксаной, так и вопроса бы не было! Но девушка вряд ли согласится, а бросать мальца одного… Не такие это места, даже и днем.

– Сдюжишь Хозяина? – спросил Вадим. – Не забоишься?

– А то! – хмыкнул Алеха: дескать, мы таких "хозяев" в сутки по дюжине!..

– Этот "бог" немного ст*о* ит без своих "ангелов", – подтвердил Вадим. – Может, и Саваоф такой же? Иначе зачем бы гонял их по каждому поводу?

– Вас что-то тревожит? – спросила Оксана, сдерживая нетерпение. – Считаете, лучше дождаться подкрепления?

– По моим ощущениям, оно не поспеет.

– Тогда чего медлим?

– Ладно, – решился Вадим. – Загружаемся!

Они разместили Хозяина в салоне, сами забрались в кабину. С упорством, достойным лучшего, тот не оставлял попыток подчинить хоть кого-то, но лишь демонстрировал этим свою тупость, поскольку шансов не было никаких.

Кого с ним оставить? – подумал Вадим. Алеху с гранатами? Если зашвырнуть одну в салон и поплотней захлопнуть дверцу, перегородка должна выдержать. Зато Хозяина разорвет в клочья. Понимаешь ли, куча? Думай о выживании, когда примешься подминать Шершней!..

"Ворон" опять взмыл в небо, чтобы за минуту-другую совершить новый скачок. А выпав из туч над самым блокгаузом, сразу пошел на посадку.

Они опустились рядом с "жуком" и выскочили из вертушки втроем, связанные таким же Кольцом, как при той схватке с "ангелами", – правда, место Гризли теперь занял Руслан. На время они слились сознаниями, и не надо было согласовывать действия ни словом, ни жестом, ибо каждый из троих *слышал* других. А Алеха-слухач, оставленный сторожить Хозяина, так же ясно ощущал всех. Это было куда удобней и надежней телесвязи, используемой в спецвойсках.

Мимо безжизненного ходульника они перебежали к воротам, без задержки открыли их, благо у Оксаны нашелся ключ, и проникли в гараж, сразу раздвинувшись в цепь. Здесь было темно, но взгляд Вадима с легкостью проницал сумрак, да и другие ориентировались без проблем.

По знакомой лесенке Вадим поднялся в горницу, ожидая застать там разгром. Но комната оказалась опрятной и уютной, хотя столь же сумрачной, как гараж, ибо ставни закрыли наглухо. И такой же пустой. Никто не встречал гостей, среди которых, кстати, была хозяйка. Все Шершни, сколько их было здесь, укрылись в подвале – от света ли, от людей.

Мельком Вадим пожалел, что не захватил мечей и облачен не лучшим образом. Но днем да с поддержкой Хозяина это не должно быть очень опасно. Взамен меча он взял из угла пластиковую клюку, невесть для каких нужд предназначенную, но увесистую, – и шагнул в проем, свободной рукой придержав юношу, попытавшегося было протиснуться первым. "Верный Руслан", вдобавок и благородный, опять искал, кого заслонить широкой грудью. И не надоест ему – ведь нарывался!..

Оба знали, что ждет за дверью, и потому не удивились, увидав перед собой две громоздкие фигуры, наглухо перегородившие коридор. Если те надеялись застать их врасплох, сюрприз не удался. Взмахом клюки Вадим сбил в сторону меч, летящий в него, и даже успел парировать атаку второго, нацеленную на Руслана. А в следующий миг витязь сам

ринулся на врага, пылая гневом. Прочертил в воздухе сверкающий полукруг и обрушил меч на доспешный стык. (С таким разлетом плеч только и махаться!) Тотчас Вадим ударил на развороте тяжелой клюкой, сбивая своего противника с ног. Затем придавил его к полу, упав сверху, и тут же успокоил тычком под ухо.

Наверно, это была та самая пара элитных Шершней, что уцелела при вчерашнем штурме. Но теперь, в разгаре дня и без понуканий вожака, им было не под силу сражаться с росскими витязями. Закрутившись волчком, Руслан пропустил мимо себя новую атаку, и Шершень с ужасающей силой врезался в перегородку, на миг оцепенев. Росич мог пригвоздить его, точно муху, но позволил врагу развернуться и ударом пластиковой ноги снова швырнул в стену – так, что содрогнулся дом. И это оглушило беднягу до беспамятства. Он осел на колени, затем обрушился лицом вниз, и тотчас Руслан наступил ему на шею, чтоб не дергался. Затем придавил коленом хребет и в мгновение ока скрутил невесть откуда возникшим шнуром, словно бы с пеленок обучался искусству *ходзё* . Впрочем, этим *дзюцу* владел Вадим, а по Кольцу могло передаться и не такое.

Одолжив у росича обрезок шнура, он связал свою добычу и опять заспешил вперед, пока изнывающая от нетерпения Оксана их не обогнала. Сбежал по лестнице, распахнул новую дверь и вступил в зал – со сводчатыми потолками, факелами на стенах и массивным столом по центру, обставленным грубыми креслами. И остановился в оцепенении. Под горло подкатил комок, как ни старался Вадим *отстраниться* .

Вряд ли здешнюю обстановку использовали часто, однако сегодня все сгодилось, как по заказу. И заказ был, мягко говоря, неординарный.

На залитой кровью столешнице распластался труп, освежеванный и уже наполовину обглоданный, как после волчьего пиршества, – все, что осталось от девушки-глухоманки, прихваченной прошлой ночью в одном из ближних селений. Вокруг восседало семь неподвижных гигантов в Шершневых доспехах, но со снятыми шлемами. Лица у них были смуглые и похожие, точно у двойников: узкие, резкие, горбоносые. (А еще они смахивали на Шершня-вожака, обезглавленного Адамом.) Все были живы, но их сознания блуждали далеко и с каждой минутой удалялись всё больше.

– Это и есть искомые Магистры, – объявил Вадим, сглотнув проклятый комок. – Их будто отравили. Или продукт некачественный?

Всего кресел вокруг стола было десять – три пустовало. И для кого тут держали место?

– Отец! – звонко выкрикнула Оксана. – Где отец?

– Может, их следует добить? – в замешательстве спросил витязь, вновь оказавшийся на распутье. – Это ж не люди!

– Это – людоеды, – подтвердил Вадим. – Новая ступень в эволюции. Мы для них – корм. Желаете присоединиться?

– Отец! – снова позвала ведьма. – Папенька!..

“А в ответ – тишина”. Действительно, безмолвие было жутким, даже в ушах звенело. При всем старании Вадим не мог уловить дыхания Шершней – или им уже не требовалось?

– Туда, – указал он на внутреннюю дверь. – Кто-то там шебаршит.

По скользким ступеням они спустились в промозглый каменный лабиринт, и в конце тесного коридора обнаружили камеру, забранную мощной решеткой и предназначенную, судя по всему, для особо опасного зверья. А возле прутьев громоздилась косматая туша, напоминавшая матерого орангутанга, только намного крупнее.

Ударом клюки Вадим сбил тяжелый замок, распахнул дверцу. Первой внутрь заскочила Оксана, склонилась над безжизненной грудой. Войдя следом, Вадим осторожно перевернул зверя на спину. Кожа на его морде ороговела, выступая по краям устрашающими наростами. Глаза потускнели, дыхание едва прослушивалось.

– И что делать? – спросил Руслан.

– Я знаю! – ответила Оксана.

Торопливо она надрезала себе вену и пролила темную струйку на иссохшие губы чудища.

– Это называется кровосмесительство, – пробормотал Вадим и тоже стал закатывать рукав: – Скинемся, братья, – на бедность… А ты не лезь! – осадил он Руслана, как и всегда, готового делиться последним. – У тебя "гранаты не той системы". Тебе и самому не помешало б хлебнуть – после того, чем накачали тебя вчера.

Отстранив Оксану, Вадим придавил ее ранку пальцем, останавливая кровь, затем вскрыл вену на своей руке. И полилась "жива водица"!..

– И ничего страшного, – сказал он, успокаивая себя. – Обычное переливание крови. Михалыч свою где-то растерял.

– Не "где-то", – пророкотало чудище, наконец зашевелившись. – На дело пустил!

В ужасной его морде проступали знакомые черты, в уродливом теле – человечьи формы. Лишние волосы втягивались в кожу, и сама кожа делалась тоньше, возвращаясь к прежнему виду. Помедлив, Вадим убрал руку и согнул в локте, массируя порез. Не стоит слишком прикармливать зверей – потом не отобьешься.

Облизнув заляпанные губы, Михалыч добавил:

– Он подвесил ее на решетку, прямо передо мной, – думал, не стерплю.

– И разделишь кровавую тризну, так? – продолжил Вадим. – Окончательно продавшись Зверю. А ты перекачал ей свою кровь?

– Уж пришлось. Они хотели подзарядки – и получили. Только полярность оказалась иной!

Оборотень сипло засмеялся, скаля острые зубы. Даже в человечьей фазе вид у него оставался вполне зверским: клокастая борода, взъерошенная грива, массивы бугристых мышц, поросшие седым волосом. Плечища точно валуны, тулово будто кряжистый пень, ручищи как вековые корни – эдакий лесовик, персонаж росских сказок! Щеголеватый, подтянутый Руслан гляделся рядом с ним добрым молодцом. Ну Оксана, понятно, царевна. А кто тогда Вадим – Серый Волк? Тоже занятный фрукт!..

Пожалуй, Вадим не хотел знать, была ли девушка жива, когда Михалыч затеял перекачку. К чему травить душу лишними деталями?

– Пойди расчешись, – предложил он. – Ведь смотреть жутко!..

Впрочем, ходить Михалыч еще не мог – разве ползти. Подхватив хозяина под руки, Вадим с Русланом повели его наверх, в светелку. Но по пути тот пожелал оглядеть ночных гостей и с минуту злорадно на них любовался, ухмыляясь во всю физиономию.

– А ведь уготован стул и тебе! – заметил Вадим. – Место-то освободилось вчера. Трудно было устоять?

– Как два пальца!.. У меня ж осиновый кол – тут, – знакомым жестом колдун коснулся косматой груди и хмыкнул: – Королям не понять нормальных чувств – они свихнулись на власти и всех меряют на свой аршин. И невдомек вампиру, что это я помог доче сбежать, завлекая гончих в капканы. Потому он и подставился так – со своими "птенцами"!

– Ну, ты не мелочишься, – хмыкнул Вадим. – За прошлую ночь мы одного Магистра едва заломали, а ты – семерых, единым махом!..

Он не стал уточнять, что тот Магистр стоил любых трех из этих.

– Где-то рыскают еще двое, – возразил Михалыч, – не считая "короля".

– Все-таки странно, что вы не поддались, – заметил Руслан, к которому вернулись прежние подозрения. – Разве вы не такой, как они? Тогда почему не сработало заклятие вампира?

Проницательно глянув на юношу, космач усмехнулся:

– Я сам наложил на себя заклятье – когда ушел от людей. Это не вполне то, что требовалось Шершню.

– Он хотел накормить человечиной?

– Увлечь за порог, откуда не вернуться. Раз я не шел под Зверя добром… Это как раскаяние.

– То есть?

– Раскаяние должно идти от сердца, и в рабство влезаешь по своей воле! Я ведь и сам жрал сырое мясо, только звериное. Это – допустимое зло. Но стоит шагнуть дальше… Если б не Оксанка!..

– Ты спас ее, она – тебя, – сказал Вадим. – Так и живем!

– Теперь я поколдую, – объявил Михалыч. – У меня к этой девоньке долг.

Высвободясь из чужих рук, он проковылял к центру комнаты, больше не обращая внимания на оцепенелых Шершней. Внимательно оглядел останки, затем выдвинул из-под стола корыто, служившее для сбора крови, и принялся складывать в него искромсанные части, аккуратно снимая со стола.

– Перестань! – содрогаясь, попросил Вадим. – Все равно ее не оживить.

– Душа отлетела – это да, – признал колдун. – А тело собрать возможно, если нелюди еще не переварили мясо. А там вдруг и душа возвратится? Полетает, полетает – да раздумает.

Он выдернул меч из ножен ближнего Магистра и с одного маха снес ему голову, придержав за короткие кудри. Тут же свалил тело на пол, плечами воткнув в корыто. И опять хлынула кровь, сразу покрыв дно и быстро заливая останки. Тотчас те пришли в движение, будто облепленные невидимыми муравьями, и устремились каждый к своей цели, словно солдаты, смыкающиеся в строй.

– Еще и животы вскрывать, – угрюмо сообщил Михалыч. – Нет бы самим постараться, как самураям!

– Все, я умываю руки! – поспешно объявил Вадим. – Где у вас умывальник?

Он сознавал, что Шершни уже мертвы, – но распотрошить девять тел, чтобы восстановить одно, ими съеденное!.. Во всяком случае, на это лучше не смотреть.

А может, так и надо? – думал Вадим, вдвоем с Русланом поднимаясь в гостиную. Если уж ешь кого-то, следует быть готовым, что тебе возразят, а то и вскроют. “Отдай мое сердце!” – как говорилось в детской страшилке. И ведь придется отдавать, куда денешься?

Оглянувшись, он встретился взглядом с Оксаной, решившей не оставлять отца даже в таком жутком предприятии. И плотно закрыл дверь, сочувственно вздыхая. Хотя… ко всему привыкаешь.

– Надо за Алехой сходить, – сказал Вадим, распахивая в комнате окно. – Измаялся пацан с таким соседом!

Однако Руслана заботило иное.

– По-вашему, это правильно? – нахмурясь, спросил он. – Ну, что вытворяет сейчас Михалыч… Чего он там лепит, а?

– Даже не голема, – усмехнулся Вадим, – ибо не из глины. И не чудище Франкенштейна. Он лишь воссоздает поруганное девичье тело по изначальному эталону – возможно, даже делает его совершенней!

– Зачем – чтобы властвовать над ним? И станет оно прислуживать колдуну, исполнять его прихоти!..

С опаской Вадим вгляделся во взволнованное лицо юноши. Лишь бы тот не кинулся утверждать правду, как ее понимает, – невзирая на лица и собственные пристрастия. Разве мало народу порешили такие вот витязи – под горячую руку и высокие словеса?

– Не следует думать о людях худо, – изрек Вадим, – пока остаются иные варианты. Давно тебя самого поливали Шершневой кровью?

– Но об этом типе такое говорят!..

– Наверно, Н*и* коль? – Вадим с презрением хмыкнул. – Нашел источник!.. Не отравись по молодости.

– И другие сказывали: он над Оксанкой такое творит!..

– А почему не спросить у нее?

– Как же, ответит она!..

– Нет?

– И пробовать не стану.

Юноша даже зарделся – от гнева или от смущения. Или от обоих чувств сразу. Вблизи он оказался не таким монолитом, каким гляделся со стороны. Каждого что-то гложет, а тут еще и личные мотивы мешаются.

– Хочешь выяснить – давай разбираться, – предложил Вадим. – А если для тебя главное: себя доказать, – занимайся этим с другими.

– Себя делами доказывают, разве нет? А мне нужен совет.

– Ты уж сам выбирай, кого слушать, – здесь никто не поможет.

– Предположим, я выбрал. Что посоветуете?

– Самому думать, своей головой. Смотреть без предвзятости. Учитывать советы старших, но и только.

– Так я ж и стараюсь…

– Пока у тебя взамен понимания – набор тезисов, как в ленинских статьях, – сказал Вадим. – Нет ничего лживей простых истин – они призваны затуманивать мозги заурядам!

– Вы не могли бы повторить? – попросил юноша, наморща лоб.

Да уж, для Оксанки тут – непочатый край! – вздохнул Вадим. Освоение целины, дубль второй. Хотя места плодородные – паши, сей, удобряй!.. Может, для начала ему Лондона почитать? Глядишь, и наладится понимание с будущим тестем.

– А что б ты сам сделал на месте Михалыча? – спросил он. – Вдруг девушка и впрямь оживет? Ну не сейчас, так через месяц, год – слыхал про летаргические сны? К прежнему телу душу притягивает, словно к обжитому дому.

Самому бы в это поверить! – прибавил Вадим мысленно. Мало нежити вокруг развелось, будем и сами плодить. Вот сейчас возникнет из-за двери эдакое: бледное, мертвоглазое…

– Бог ей поможет, – тихо сказал Руслан.

– “Боги не помогают в том, что человек должен сделать сам”, – возразил Вадим. – Если Михалыч создаст условия и если она сама очень постарается…

Он вдруг замолчал и наклонил голову, массируя пальцами виски. Даже прикрыл глаза, концентрируясь.

– Что? – с тревогой спросил Руслан.

– Кто-то на подходе, – ответил Вадим. – Теплая компашка… Едут по дороге, с ветерком… Мясорубы, да! Дьявол им в помощь.

Уже несколько дней он не ощущал эту публику вблизи, и тут на тебе, заявились! Видно, “король” почуял, что с выводком неладно, а до низших звеньев впрямую не дотянуться – пока еще всех соберешь!.. Вот и призвал на подмогу сектантов, благо оповещение у них отлажено, как у тимуровцев.

Конечно, собралась не вся секта, зато сплошь адепты, уже заведшие учеников: по три, по четыре-пять – вплоть до дюжины. Изуверская элита, утвердившая себя пытками и убийствами, властители обывательских дум, потрясатели воображения. Идеологи и выдумщики – те, кто планировал операции, кто подводил под злодейства теорию, кто придумывал оправдания для колеблющихся. Те, кто придавал зверству видимость ритуала!..

И самое занятное, что возглавлял отряд старина Эрнст, генерал доминиканцев. Както он сумел вырваться из монастырского подвала, – видно, недооценили Вольные Творцы своего пленника. Или его вытащил “король” по старой дружбе. Надо ж кем-нибудь заместить дедушку Серафима, по нечаянности раздавленного Мстителем? Как водится, убежденного фанатика, искренне брызжущего слюной, сменил циник с ловко подвешенным языком. Словно пресловутый флейтист, он увел из города отпетых садистов – но лишь затем, чтобы после завершения кровавых дел вернуть обратно.

Открыв глаза, Вадим направил их на дальний край поляны, где из-под колышущихся крон уже выезжал на простор бронетранспорт, набитый мясорубами. Бог знает, где разжились они убойниками и гранаметами, где раздобыли такую машину, оборудованную пулеметами и даже пушкой, – наверно, внутри секты хватало людей со связями. А может, сама Крепость благоволила к мясорубам, подкармливая, как многих формальных оппозиционеров.

Сделав знак росичу, Вадим в одно касание перемахнул подоконник, слетая на покатую крышу гаража. Тут же присел на корточки, подгадывая момент для отчаянного спурта, который не разглядеть заурядам. Кто там несется, куда?.. А спуртер уже наверху – взламывает запоры, ныряет в люк, врезается в толпу, отключая одного за другим. Это не ваши игры, гаденыши, тут лига повыше!..

Транспорт затормозил невдалеке, из кабины выбрался Эрнст, неуклюже ворочая гранаметом, ступил вперед шаг, другой.

“Повязать, всех повязать! – думал Вадим, брезгливо морщась. – Рассадить по клеткам, как гиен, и даже детям не показывать, чтобы не передалась зараза! Ужо я вам…”

Над его головой что-то жахнуло, зашипело; воздух пробуравила визжащая булава, с разгона впившись в броню. Транспорт вспучился, изо всех щелей выплескивая пламя, а затем полыхнул целиком, словно костер ведьмы – очистительный, жертвенный костер… Все-таки страшная вещь – кумулятивная граната! Не слабей плазмомета, если попадает.

Что творилось внутри, Вадим не стал *слушать* – отпрянул *облаком* подале, как от проказы. И так было ясно, что не выживет никто. С жрецами мясорубов покончено – по крайней мере, нынешними. “Пусть другие попробуют сделать больше”.

Уцелел только Эрнст, брошенный взрывом наземь. Оглушенный, он пытался подняться или хотя бы отползти от огня, уже поджаривавшего ему пятки. Может, и проснулись угрызения – кто знает? Со страху чего не бывает.

В растерянности Вадим оглянулся на Руслана, еще не убравшего с плеча облезлой трубы (и где только выкопал?), но не увидел в глазах юноши ни сожаления, ни сомнений. Для него это были ядовитые пауки, очень удачно запихнутые в банку. И огонь против них – лучшее средство. Воистину “рыцарь без упрека” – прямо мороз по коже!..

“А вот интересно, – подумал Вадим, холодея, – сам-то я вправду не заметил, как наводилась кумулятивка… или не**захотел** этого *видеть* ?”

Спрыгнув с крыши, он подбежал к доминиканцу, за шиворот отволок от полыхающей машины, бросил под стену. Потом забрался в кабину “ворона”, сменяя истомившегося Алеху.

– Можешь прогуляться в дом, – предложил Вадим маленькому слухачу. – Хотя ты и так все *слышал*.

Конечно, тот предпочел дополнить впечатления осмотром и сразу покинул вертушку. Усевшись за пульт, Вадим рассеянно пробежался пальцами по кнопкам. Затем, решившись, запустил винты и поднял машину в воздух, гоняя по поляне вонючий дым, валивший из транспорта.

Нельзя сказать, чтобы Хозяин совсем уж не пригодился, однако все повернулось не как планировалось. А о дальнейшем его прокорме пусть печется Михалыч. Авось он не станет скармливать чудищу Магистров… Впрочем, его проблемы. Мясо – оно и есть мясо. Можно человечину считать кормом, а можно и животин приравнять к людям.

Водворив Хозяина в прежнюю камеру, Вадим накрепко ее запер, даже привалил валунами дверь. И тут же снова взмыл в воздух, одним гигантским скачком вернувшись к блок-гаузу. Соскочив на землю, подошел к Эрнсту, сумевшему наконец подняться на четвереньки.

– Кто ж послал тебя, милый? – поинтересовался Вадим, присев на корточки. – Ну расскажи, как ты вез этих мерзавцев, чтобы предать возмездию!..

Несильно он толкнул монаха в плечо, и тот завалился на бок, неуклюже ворочая конечностями. Ко всему Эрнст еще и оглох – во всяком случае, на время.

Сплюнув в сторону, Вадим вернулся в светлицу, слегка опаленную ракетой. Здесь уже хозяйничала Оксанка, расставляя по убранному скатертью столу нарядную посуду. Розетки светились янтарным вареньем, хрустальные вазы благоухали свежим печеньем. К счастью или нет, на это Шершни не позарились.

– Надеюсь, борща не будет? – со смешком спросил Вадим, вспомнив другой стол, двумя этажами ниже. – Обойдемся без мясных блюд, ладно?

Опустившись на стул, он с опаской покосился на дверь, чувствуя, что уже пора. Вот сейчас она откроется и…

Дверь отворилась, и в комнату вступил Михалыч, причесанный, приодетый (когда успел?), почти благообразный, ведя за руку пышноволосую миловидную девицу, сколоченную ладно и крепко, так что едва втиснулась в Оксанкин сарафан, а ноги и вовсе остались босыми.

Чудо все ж состоялось, а ведь кто мог надеяться при виде останков!..

– Зовется Милицей, – негромко объявил колдун. – Поживет покуда здесь. Ясно вам?

Да уж, на нее не пожалели “мертвой воды”! Неизвестно, сколько мяса успели переварить луженые желудки Шершней, но остатков вполне хватило для воссоздания плоти – довольно сухой, впрочем, поскольку жир ушел едва не весь. Девушка сделалась такой, какой должна была стать при надлежащем уходе и нормальной жизни, без непроглядной этой нищеты и выматывающей пахоты с рассвета до заката, без скудного пайка и грубой обуви. Пожалуй, Милицу теперь не всякий признает – даже из родичей.

– Лишь бы глухоманцы не прознали, – отозвался Вадим. – Ведь бог знает, что подумают!..

Отведя взор, Руслан сурово поджал губы, решив, видно, поставить это дело под свой контроль – не глядя на то, что ему втемяшивали.

– Черт – знает, – поправил Михалыч. – Бог вряд ли… Слышь, пострел? – глянул он на Алеху. – Помалкивай! Мало мне забот без селян?

– А я, может, и не вернусь вовсе, – огрызнулся малец. – Чё мне в поселке делать? Вон с ними полечу, в Замок!

– Ага, ждут тебя там, – хмыкнул хозяин. – Все глаза проглядели!

Он провел покорную гостью к стулу, заботливо усадил. Сам разместился напротив, поглядывая то на нее, то на дочь – будто сравнивал. А скорее, не давало покоя, что он сотворил с Шершневой добычей, распятой на решетке, точно кура по противню.

Оксанка улыбнулась сочувственно и принялась разливать по чашкам настой из потусторонней травки, дымящийся странными ароматами. Дождались-таки идиллии – после всех дневных кошмаров.

– Занятно, – сказал колдун. – Ведь все понимает, все помнит, все умеет. А – нежить. Как это принять?

– Представь, что она спит, – предложил Вадим. – Мы уж чесали языки по сему поводу. Чем не летаргия? Только что гуляет да кормится… Кстати, ее-то на кровь не потянет?

– Дык не должно, – хмыкнул Михалыч. – Чай, не мертвая. Но и не живая, во как!..

Все ж не люблю трагичных финалов! – подумал Вадим. Пусть хоть надежда остается – в обличье этого симпатичного тела. А вдруг удастся полное оживление?

– И бог с ней, – сказал он. – Я надеюсь. Собственно, чего мы ждем?

Стараясь не думать о мертвецкой в подвале и пылающем за окном транспорте, Вадим стал прихлебывать изысканный чай да наворачивать рассыпчатое печенье с прозрачным вареньем – в общем, радоваться жизни, пока не свалилась на голову новая напасть.

– А ведь твой способ перекачки умений мне сгодился! – вдруг вспомнил хозяин. – Говорят, старые колдуны, помирая, вот так же делились с наследниками. – Он усмехнулся: – Но нынче время смутное, и до смертного одра могу не дотянуть. Потому решил озаботиться загодя и передал Оксанке, что сумел. А на тебя, слышал, росичи прямо молятся!

– "Курс молодого бойца", – проворчал Вадим, покосившись на Руслана. – Многих доверенных гардов Брона я зарядил таким запасом навыков, коего хватит им до конца дней!.. Конечно, росичи меня ценят. Но и с ордынцами я бы поработал.

– Оксанку ты тоже впечатлил, – продолжал Михалыч, не обращая внимания на смущение дочери. – С того вечера она ни единого шматочка мяса не куснула, а меня иначе как трупоедом не кличет.

Кажется, у него были иные планы насчет улучшения своей породы. И с крутарским напором, не успев толком оправиться от недавних потрясений, он принялся преворять планы в жизнь. Династия чародеев – звучит?

– Не следует быть святее папы римского, – примирительно сказал Вадим. – Перебор в любом деле может обернуться его отрицанием.

Колдун предпринял еще пару попыток пристроить дочь к хорошему, солидному человеку, но перегибать палку не стал. Тем более, времени на это не оставалось: передышка заканчивалась, пора было приниматься за другие дела. И день уже клонился к вечеру, подступали сумерки.

– Ну-с, а теперь поглядим на "жука"! – бодро сказал Вадим, отставляя стакан. – С чем его-то едят?

Снаружи ничего не изменилось, только злополучный транспорт уже догорал, переваривая внутри себя последние остатки. И Эрнст куда-то запропастился: решил, наверно, рвануть к городу, пока не стемнело. Не лучшая идея, зато своя!..

Но Вадима больше заботил ходульник. Вдвоем с Русланом, вооружившись кувалдами, они вправили "жуку" подбитую лапу – теперь тот мог ковылять, хоть и хромая. Затем Вадим забрался в кабину необычного вида, опустился в кресло странной формы, за совершенно удивительный пульт. И обволок *облаком* всю машину, разбираясь в здешних сплетениях. На огибавшей его панели оказалось столько клавиш, что подошло бы больше пианисту. И какую мелодийку отчебучим?

Вездеход оказался диковинным не только на вид, здесь все было иным. И что, его тоже сработали японцы? Ладно бы "ворон" или "шмель" – там отличия скорее количественные. Но сия конструкция предполагала рассудок, взращенный в чужой среде.

А вот анатомией тамошние водилы не очень отличались от тутошних – судя по тому, каким удобными оказались кресла.

Изнутри колпак был прозрачным, почти растворяясь в вечернем сумраке, так что Вадим даже почувствовал себя зябко – в окружении стольких опасностей, какими грозила подступающая ночь. Едва слышные, как у "ворона", моторы, помещались внутри платформы, прямо под полом, – вместе с компактными батареями, заряда которых хватало надолго. Позади кресел предусмотрели место для обширного багажника, разделенного на дюжину запираемых ниш. При желании там даже можно было устроить душевую – если заправить водой объемный бак, согреваемый двигателем.

– Ну что, я его покупаю! – объявил Вадим, спрыгивая на землю. – Как говорится, "у вас своя свадьба", – кивнул он на вертушку. – А мне еще надо кое-кого проведать.

– Я переговорил с Броном, – сообщил Руслан. – К утру здесь будут наши. А меня он отзывает. – С беспокойством юноша посмотрел на Оксану, глядевшую из окна, однако ничего не добавил.

– Пацана захвати, – посоветовал Вадим. – Кадр ценный, князю сгодится. Да пострелёнок и сам горит… А за Оксанку не переживай! У меня предчувствие, что "король" сюда не вернется, – иначе бы я остался. Центр событий смещается в другое место.

И, как водится, помахав даме в оконце, рыцари умотали в разные стороны, на поиски новых приключений… И кто только придумал эту боль на бедную голову Вадима?

3. Последняя охота Шершней

Пока ходульник дотопал до Города, уже стемнело. Злосчастный Эрнст на пути не встретился, сколько Вадим ни разбрасывал *облако* . То ли "божий пес" заблудился в лесу, то ли угодил к кому на ужин. Что ж, одной заботой у Вадима стало меньше! Теперь он опять мог с чистой совестью "умыть руки" – по обыкновению всех истинных моралистов.

А направлялся Вадим к Дворцу Спорта, тайной базе росичей, где они проводили свои турниры, вряд ли уступавшие рыцарским. Окружавший здание парк смыкался с пригородным лесом, даже казался его продолжением – посему горожане заглядывали сюда редко. А самых любопытных отсекал высокий забор, по верху затянутый проволокой. И лучше б они не пытались его перелезть, поскольку тогда их встретили бы свирепые псы, больше похожие на медведей.

Сейчас Дворец выглядел темней, чем обычно, и – заброшенным. Это не слишком расходилось с истиной, ибо многие росичи уже убрались отсюда в Замок. Но осталось их тут больше, чем в порту, – непросто съехать с места, которое обживали годами!

Ходульник перевалился через забор, едва не обрушась набок. Затем расправил, сколько смог, суставчатые лапы и почапал через кусты, стараясь не слишком ломиться. Вокруг мелькали косматые тени, точно стая гигантских волков, настигших жертву, – но сверху, да еще из-за брони, на них можно было взирать без страха.

Все ж устарела здешняя оборона! – подумал Вадим. Не для наступивших времен и не для новых противников. Даже против пеших латников собаки вряд ли выстоят. Ну, завалят нескольких – а дальше что, как прогрызться через доспехи?

Остановив ходульник вплотную к Дворцу, Вадим спрыгнул наземь, потрепал загривки набежавшим псам, сразу его признавшим, и гулко стукнул в огромную дверь, похожую на крепостные ворота. На законный вопрос: "Кого черт принес?" – он живо назвался, пока изнутри не принялись палить. Сейчас же был опознан и допущен во Дворец – даже с радостью, поскольку здешний гарнизон свели до минимума, лишь бы стянуть побольше сил к Замку. Правда, для страховки сюда отправили "ворона", усадив на крыше.

Обменявшись с гардами новостями, Вадим по роскошной парадной лестнице поднялся к жилым покоям. Следовало разобраться, что его сюда притянуло. Неспроста же он поспешил во Дворец, лишь только наломал дров в блокгаузе, – наверняка и тут припасена работенка!.. Интересно, какая?

Надеясь на подсказку, Вадим раскинул *мысле -облако* , выискивая странности. И сразу наткнулся на первую.

Все подведенные к Дворцу кабели: тивишные, телефонные, трансляционные, – в конце концов смыкались в один узел, затаившийся под крышей. Вадим отыскал его без труда – тем более, планировку дома представлял неплохо. Оказался узел внутри крохотной комнаты, заставленной столами и приборными стойками, освещенной экранами – а больше света и не требовалось. По центру каморки, как в центре паутины, угнездился квадратный человечище,

вросший в крутящееся кресло. Был он могуч и мясист, точно самые матерые из крутарей, но рыхловат в сравнении с ними. И значит, свои массивы получил по наследству, а не в награду за упорство.

– Привет, Гога, – сказал Вадим. – Далеко ж ты запрятался!

Не отнимая толстых пальцев от клавиш, системщик рассеянно оглянулся и мотнул крутым подбородком на свободный стул: погоди, мол, я сейчас. Вадим послушно сел, обождал с минуту. Затем Гога удовлетворенно сложил руки на животе, еще подросшем с последней встречи, развернулся вместе с креслом и расплылся в улыбке.

– Все дороги ведут, – изрек он, – если по ним идти. Я знал, что наши пути пересекутся. Чтоб ты, да не на острие!..

– Лихо ты закопался, – признал Вадим. – Брон намекал на некую команду умников, но на тебя я не подумал.

– Действительно, – хмыкнул системщик, – причем тут я?

– А семью и впрямь заслал в глухомань?

– Там безопасней, – кивнул Гога. – К тому ж сейчас не до них.

– Как будто ты раньше о них много думал!..

– У Лёли своя функция, – спокойно пояснил системщик. – Но сейчас для общего блага лучше пожить врозь. Тем более, мне приходится наращивать оперативку… э-э… нетрадиционными способами. “For-men”-ное безобразие, вот именно!

– Гарем, что ли, завел?

– Ну, не вполне…

– Ты и теперь занят теми же проблемами?

– Просчитываю ситуацию, – подтвердил Гога. – И капаю на мозги Брону – оказывается, мы долбали его вместе! А я-то удивлялся, почему он отзывчив сверх ожиданий.

– И что насчитал?

– Думаю, то же, что ты почувствовал.

– Наверняка ж у тебя сведений больше?

– А ты всегда обходился минимумом. Впрочем, задай тему.

Вадим подумал секунду.

– Толян заявил сегодня, что тивишные программы стали лучше. Дескать, раньше смотрел выборочно, зато теперь – почти всё.

– Вот, – произнес Гога, вскинув палец. – Это важно! Дело не в передачах – в зрителях. Это у них снижается требовательность, а вкусы унифицируются. В результате каждый крепостной потребляет жвачки все больше, а темпы деградации нарастают. Большинство уже сейчас вкушают полную дозу и совершенно этим довольны… Ну, – быстро спросил он, – как?

– Как и раньше, – сказал Вадим. – Совпадение в пределах разброса. “Союз системщика и интуитивиста – страшная сила!” – процитировал он себя.

– А что еще ты наблюдал в последние дни?

– Типун тебе! – хмыкнул Вадим. – “Последние” – надо ж!.. Еще один апокалипсист.

– И все-таки?

– Крепостники раздухарились. Раньше люди опасались только репрессоров, да и те держались в тени, особо не бряцая. А ныне все дерьмо всплывает на поверхность. И во главе, мнится мне, старый душитель и новый мой знакомец Бондарь – вот бы с кем потолковать!..

– Так ты пересекался с ним?

– Как же, недавно – такой оказался душка!

– Итак, сколько пирамид в наличии? – спросил Георг. – Ну, про церковную кое-что знаем. Институт комиссаров, еще бы!..

– Кстати, она уже вытесняет Управителей.

Системщик кивнул, принимая, и добавил:

– Если “плясать” от нашего Марчика, то над ним главенствует преподобный Исай, главковский иерей. А над тем патрирарх Феропонт, отец всех отцов!

– Итого полторы сотни, как у Шершней, – вставил Вадим. – Только эта Пирамидка рангом повыше.

– Теперь силовая Пирамида, возглавляемая Бондарем, – продолжал Гога. – Он только кличется Верховным Репрессором – на самом деле круг его интересов много шире. В ведении у Бондаря блюсты, сыскари, режимники, надсмотры… теперь еще и Боевые Псы.

– Может быть.

– Значит, силовики вносят в “золотую тысячу” еще полторы сотни. Следующие кто?

– Ну?

– Студия, – уверенно ответил Георг. – Ныне она – “важнейшее из искусств”. Для всех тираний охмурёж масс – первое дело. И на него тайные правители не пожалели третьей полуторасотни, подчиненной Режиссеру.

– Этому маразматику?

– Недурная маска, правда? Боюсь, это даже не прежний Банджура, а некто иной – судя по ряду признаков.

– То есть, по-твоему, его подменили?

– При достаточной пластичности черт это несложно.

– Вообще это зовется Текучестью, – подсказал Вадим.

– Ну, возможно. В любом случае на Студии один из главных рассадников нечисти.

– Пока мы набрали половину “тысячи”, – заметил Вадим. – Конечно, если отсечь побочную шпану, мало-помалу сбрасываемую за борт. Мне кажется, название выбрано не случайно – Пирамид должно быть шесть.

– Вспомни пресловутый Институт, поставщик новинок!

– К нему можно прибавить Пирамиду жещин-вамп, почудившуюся мне сегодня, – и все равно одной не хватает.

– Есть еще промышленность, сельское хозяйство, – напомнил Гога. – Не думаю, чтобы попики занялись этим в полную силу – все-таки не их епархия. Подождем: что-нибудь да всплывет. А пока надо утрясти дела с Шершнями. Как с ними-то обстоит?

– А с ними обстоит так, – ответил Вадим, еще и сам не понимая, что озвучивает: итог совместных рассуждений или свое последнее прозрение. – Сейчас для Шершней самое время ударить по Дворцу – благо охраняет его горстка. Брон слишком увлекся наступлением, забыв про тылы. А ведь тут осталось немало ценного, включая Лину. Так что собирай свои манатки, а я всполошу крутарей и сбегаю за княгиней. Дай бог, чтобы “ворон” поднял всех!

– Думаешь, Шершни не…

– Забыл, как умеют они рыть ходы? Наверняка под Дворец уже подведен подкоп. Атака начнется снизу, я уверен! Тем более, у Шершней почти не осталось вертушек. Шевелись, старичок!

– Погоди, – Гога протянул ему миниатюрную рацию. – На всякий случай. Я просчитал и такой вариант, имей в виду.

Торопясь, Вадим выскочил из кабинета и понесся по этажам, оповещая росичей, – пока не достиг покоев княгини. Стороживший дверь гард дернулся было наперерез, но тут же притормозил, видимо, вспомнив инструкции: Брон умел быть предусмотрительным.

Раздернув завеси, Вадим вступил в спальню, щедро декорированную искусственной зеленью. И женщина на просторной постели сразу вскинулась, отбрасывая одеяло, – словно бы заждалась. Но не его, не Вадима, – увы!..

Княгиня спала голой, однако гостя не смутилась. То ли уже прониклась росским духом, чуждым христианскому лицемерию, то ли совсем не стеснялась слуг. Или же, по примеру мужа, вполне доверяла Вадиму. А интересно, кем была она пяток лет назад?

– Что-то стряслось? – спросила Лина взволнованно. – С князем, да?

– Собирайся, милая, – сказал Вадим. – С Броном-то порядок, а вот нам может достаться, если не поспешим. Шершни на подходе!

Сияя упругим задом и льняными волосами, распущенными по плечам, княгиня кинулась собирать вещи. Заглядевшись на ее свежие прелести, Вадим едва не опоздал с помощью. Все же пособил ей увязать самое насущное в простыню и одеться, благо женщина не думала паниковать – истинный "благой род"!

– Иванов день пора возрождать, – ворчал он. – Бегать нагишом под луной, прыгать через костры, в речке плескаться… Правда, при такой погоде это больше смахивает на моржевание.

Затем обрядился в Шершневый скафандр, припасенный Броном в потайной нише, и вывел княгиню из покоев, поручив встрепенувшемуся гарду проводить ее на крышу. А сам побежал за трофеями, о которых не единожды вспоминал сегодня.

Нашел их в затхлом чуланчике, легкомысленно запертом на простенький засов. Обе твари задумчиво ковырялись в просторном корытце, куда были свалены плоды – от картошки до ананасов. Возможно, "ангелы" развлекали себя поисками нового, хотя вряд ли их куцые умишки способны на скуку. Они и сейчас походили на малолеток с помертвелыми кукольными лицами и золотыми кудряшками. У одного из них, покалеченного при захвате, утраченный сустав заменили недурным протезом – с настоящим "вакидзаси" вместо природного лезвия.

Сосредоточась, Вадим уплотнил *облако* вокруг "ангелов", и те разом напряглись, забыв о еде. Разобраться с их управлением труда не составило, сложней оказалось подобрать программу – на три четырехлапых тела, объединенных в целое. Телескопические конечности странных существ раздвинулись, уравняв их в росте с Вадимом. Затем все трое оставили чуланчик и ходко затрусили, один за другим, по затененным коридорам – навстречу Шершням, уже проникавшим в обширный подвал Дворца. И вела их пара уцелевших вожаков.

Все же какой облом для любителей авантюр! – подумал Вадим. Каждое действо должно случаться вдруг, иначе утратит остроту… Другое дело, что после первой же внезапности можно не выжить, – и тогда не потеряют ли искатели впечатлений намного больше?

Достав рацию, он вызвал Гогу.

– Загружаемся, – услышал в ответ. – Сколько еще нам отводишь?

– Поспешите – Шершни уже здесь! – сказал Вадим в ладонь. – Я задержу их, сколько сумею, – но тут без гарантий. Дай знать, когда отчалите!

– Соколик! – позвал Гога прежде, чем он отключился. – Имей в виду: Дворец нашпигован пластиком. И росичи за ценой не постоят.

– Это обязательно? – с неудовольствием спросил Вадим. – Здесь столько народу, Гога!..

– Я-то тебя понимаю, – хмыкнул тот. – Но давить на кнопку не мне. А им вряд ли докажешь, что Шершни – люди.

– Хотя бы собак отгоните. Слышишь, умник?

– Это – делается. Собачек росичи любят. Специально отрядили двоих. Подберем на опушке.

Чертыхаясь, Вадим закрепил рацию на плече. Похоже, сегодняшний день станет для Шершней роковым. С одной стороны это, конечно, радует…

Однако на переживания времени не оставалось. Сбежав по широкой лестнице, троица очутилась в низком тоннеле, с другого конца которого накатывалась шуршащая пластиковая волна – Шершни. Двигались они размеренно и безмолвно, словно беляки в знаменитой

“психической атаке”. Их в самом деле оказалось много: десятки, – будто “король” ударил по Дворцу всеми силами.

Развернувшись в цепочку, троица перегородила тоннель, изготовилась к встрече. Тоже мне, трое спартанцев! – с нервным смешком подумал Вадим. Фермопилы в миниатюре.

Он уже жалел об этой затее, недоумевая, почему не пустил сюда росичей. Что за манера: брать все на себя? Худший вид руководства!

К счастью, Шершни не стали палить: из осторожности или из гонора, – а сразу ринулись в рукопашную. Первыми в бой вступили рядовые, и теперь, с высоты своего нынешнего подъема, Вадим подивился их неуклюжести. В фехтовальном искусстве они освоили внешний слой и то через пень колоду. Видно, их в самом деле не планировали надолго: “день простоять да ночь продержаться”, – ну, месяц от силы!..

Зато их было куда больше, и все были в доспехах. А если б даже не были – все равно Вадим не мог гвоздить в полную силу, опасаясь по нечаянности убить. Под напором такой массы защитники пятились, отступая по лестнице. Шаг за шагом их вытеснили в турнирный зал и окружили, пытаясь достать сразу отовсюду. Но еще раньше троица замкнула внутренний круг, накрыв себя клинковой завесой, сквозь которую не продирался ни единый удар. Шершни бесновались, круша подвернувшуюся мебель, в щепы рубя столы, снося перегородки, – но ничего не могли поделать с филигранной обороной шестирукого и шестиногого существа, вооруженного десятком мечей.

Затем Вадим сам надавил на осаждающих всеми тремя телами, увлекая Шершней к двери. А перед ней с натугой разорвал пластиковое кольцо и опять загородил проход, медленно отступая – все выше, выше. Этаж сменялся этажом, коридоры – лестницами, а те – снова коридорами. Когда ходы делались уже, Вадим брал передышку, доверяя неутомимым “ангелам” прикрывать отход. Затем снова включался, уже не так проворно ворочая одеревенелыми членами. По мысленной карте он следил, чтобы Шершни не обошли с тыла, но те не пытались. Большинство уже отстало от неуязвимой тройки и шныряло по этажам в поисках жертв, но дюжина-полторы следовали за Вадимом, будто повязанные монаршим приказом. С тревогой он ждал появления вожаков, с которыми и свежему непросто совладать, – но Магистры, видно, увлеклись прочесыванием Дворца. А может, “король” решил поберечь последних “птенцов” и велел избегать Вадима: мало ли, что тот опять выкинет?

Наконец рация ожила.

– Готово! – сообщил из динамика голос Гоги. – Мы отваливаем.

– И мы уходим, – объявил Вадим в рацию. – Сами, не ждите нас!..

Раздраженность Роя нарастала, и Шершней можно было понять. Вот же она, добыча, только что была здесь – еще запахи не выветрились! И однако никого, хоть шаром покати. Даже архивы успели вывезти.

Но у Вадима хватало своих забот, чтобы сочувствовать штурмовикам. Основную задачу он выполнил: придержал Шершней до отлета вертушки, – теперь следовало подумать о спасении. Интересно, какого черта он так рвался наверх, если там никого нет? Не прорываться же обратно через весь дом!..

А троица уже выскакивала на залитую асфальтом крышу – просторную, точно футбольное поле. Следом ломились преследователи, растекаясь вширь. А в вышине, за слоем черных туч, нависших над самым Дворцом, слышалось вкрадчивое гудение “ворона”.

Вместе с “ангелами” Вадим припустил через крышу, набирая фору. Они добежали до края и остановились на карнизе, озирая заросли, начинавшиеся далеко внизу и простиравшиеся до горизонта. Решаясь, Вадим набрал в грудь воздуха. Опять ему сигать в пропасть – да сколько можно!.. А куда денешься?.

Он подал команду, и трое разом расправили ноги, взмывая ввысь, – будто катапультировались. Конечно, “ангелы” резко ушли вперед, и Вадим едва успел ухватить их за кости-

стые щиколотки, плечами ощутив болезненный рывок. Затем скорости уравнялись, и он разбросал руки шире, чтоб не препятствовать развертыванию “ангельских” крыльев, больше похожих на плоскости дельтаплана.

Как и тогда, у блокгауза, летуны заскользили к земле по наклонной. Только теперь спуск оказался намного круче – благодаря немалому грузу, подвешенному к ногам. Не надломились бы тощие лапы, вовсе не приспособленные для транспортировки тяжестей!..

Но еще больше Вадим опасался Шершней, высыпавших на крышу. Вот теперь они вполне могут садануть по ускользающей добыче изо всех стволов! И что останется: падать с высоты на раскидистое дерево, ломая ветви? Вряд ли Шершни позволят ему даже это – уж стрелять они умеют, если захотят. А жить-то хочется!.. Вот они прицеливаются.

– Гога, слышь? – сказал Вадим в рацию, едва сдерживаясь, чтобы не закричать. – Раз уж решили взрывать, поспешите! Тогда и я, может, выживу.

– И мы того же мнения, – ответил Гога. – “Нам сверху видно все!”

Морща лицо, Вадим вывернул шею, чтобы поглядеть на Дворец. Он был отвратителен себе: честнее было б окочуриться вместе с Шершнями. Они бы и так сгинули, но, по крайней мере, без его участия. А получается, Вадим сам дал команду на уничтожение. Скверная штука – жизнь!..

И тут грянул взрыв. Если росичи брались за что, то исполняли на совесть, – может, даже обратились за помощью к сутерам, поднаторевшим в таких делах. Дворец полыхнул сразу и весь, от подвалов до крыши, не оставляя Шершням ни шанса, – но очень аккуратно, будто заряды направили внутрь здания. И оно провалилось в себя, коллапсируя, как звезда. При этом обломки не разлетелись по сторонам, а взрывная волна, догнавшая Вадима, лишь бережно его покачала, увлекая от опасного места. Все скромно, по-домашнему, без ненужной помпы.

Деревья уже надвинулись вплотную. “Ангелы” вывернули крылья, отчаянно тормозя, и все равно Вадим врезался в крону с отменной скоростью, не побившись только благодаря латам. Сейчас же отпустил летунов, хватаясь за ветки, и заскользил по дереву вниз.

У подножия уже ждали “ангелы”, снова сделавшись похожими на лохматых человечков: то ли гномиков, то ли детей. Забавные игрушки – если бы не были такими опасными!

Встряхнувшись, Вадим побежал к взорванному Дворцу, сопровождаемый шустрыми малышами. Перед забором уцепился за их жесткие плечи и легко перемахнул препятствие, с каждым разом делавшееся нелепей. И песики сейчас не встречали, а от Дворца остались дымящиеся развалины. Где-то под ними, средь покореженного бетона и обнажившейся арматуры, погребены последние надежды Роя. И кто остался в нем – один “король” с троицей гардов?

“Жука” таки привалило обломками, но, как Вадим и надеялся, всерьез не повредило. Лишь колпак местами потрескался да злополучную лапу опять выбило из сустава. Повозившись, Вадим вправил сустав, благо опыт уже имелся, и забрался внутрь, отправив “ангелов” в багажник. Осторожно высвободил машину из-под завала и погнал к воротам, прислушиваясь к голосам на дороге, где ждал приземлившийся “ворон”.

“Жук” подоспел к нему, когда в салон уже загружалась свора ворчащих псов, подгоняемая парой росичей. Внутри и без того было тесно, однако никто не протестовал – собачкам даже радовались, будто домашним любимцам. Княгиня, конечно, расположилась в кабине, заняв место стрелка, и сейчас глядела на подбегающий ходульник, приоткрыв нежный рот. За пилота оказался Гога.

Подогнав “жука” к самой вертушке, Вадим вылез наружу и уселся на платформе, свесив ноги. Пока было сухо и не холодно – ни снега, ни дождя. Хотя ветер поверх деревьев всё усиливался.

– Нарезвился? – спросил Гога, глядя на него из оконца. – Мечиками помахал, налетался? В жизни всегда есть места… гм… заповедные.

– Думаешь, мне хочется? – откликнулся Вадим, поводя ноющими плечами. – Эти утехи для крутарей, а нам лучше глазеть на такое из-за экрана – с уютного дивана да под душистый чаёк. Охота была голову подставлять!..

– Летишь с нами? – спросила княгиня. – Сегодня ты славно потрудился! – И милостиво добавила: – Я распоряжусь, чтобы машину отогнали к Замку.

– Может, у вас пианисты завелись? – засмеялся Вадим. – С "жуком" совладать куда сложней, чем даже с "вороном", – я и сам еле справляюсь. А уж чтобы научить других!..

– Кстати, я умею играть, – объявила Лина. – Это и впрямь сгодится?

Конечно, дворянское воспитание! – хмыкнул Вадим. Музицирование, танцы… фехтование, стрельба, языки… компьютер.

– С тебя и начну, – пообещал он. – Но сейчас меня некому заменить.

– Говорят, "незаменимых нет", – пробурчал Гога. – Итак, Шершням каюк? – И переиначил название книги: – "Конец Шершневого Гнезда!"

– Гнездо умерло – да здравствует Гнездо! – возразил Вадим. – Помнишь сказку про Дракона? Не вышло бы в этом роде.

– "Выпить-то он выпьет, да кто ж ему нальет?"

– Значит, остаешься? – снова спросила Лина. – Брону что передать?

– Мои приветы и поздравления, – сказал Вадим. – Он поймет, с чем, когда расскажешь подробности.

На секунду княгиня надменно поджала губки, затем улыбнулась. И что это значит: тоже произвела странника в шуты?

Погрузку завершили, кое-как разместившись, дверцу захлопнули. Немного же уцелело от Дворца – как раз, чтобы загрузить "ворон". Лишь бы на пути не случилось опасной встречи. Уж одна вертушка у "короля" наверняка осталась, а всех Шершней наберется теперь разве на экипаж – этим машину не перегрузишь. Так что схватка будет не на равных.

– Увидите чужого "ворона" – сразу вниз, – предупредил Вадим. – Тогда хоть кто-нибудь уцелеет.

– Мы тоже стрелять умеем, – напомнила Лина.

– Но не как "король" – он иудейских снайперов за пояс заткнет!.. И вообще, я плохих советов не даю – вон Гога знает.

– Брон уже выслал навстречу пару вертушек.

– Вот это правильно. Ну, перо вам в зад – уматывайте!..

Помахав широкой ладонью, Гога бережно поднял машину, заранее готовясь встретиться с ветром, – как и обычно, он просчитывал все варианты. Наверно, и "ворона" поведет над самым лесом, чтобы не светиться. Бог даст, доплюхает. И тамошняя команда умников примет Гогу, как родного. Забавно будет наблюдать его рядом с Юстианом – близнецы-братья, и только. Один русый, другой темный – два веселых… н-да.

Вадим проводил взглядом вертушку, пока она не скрылась за деревьями, затем опять полез в кабину – тем более, с неба начала сыпать колкая крупа. Разбросал пальцы по клавиатуре и снова пустил "жука" шагать по дороге, проигрывая его походку, как мелодию. Вокруг шумел лес, волнуясь от ветра, а сзади, в багажнике, осторожно ворочались "ангелы", шурша перьями.

Все ж Вадим ощущал холодок, слыша за спиной шебаршение складн*ы* х гномиков со смертоносными лезвиями-когтями, омытыми кровью многих. Сейчас-то они смирные, но случись на пути Хозяин, из недорезанных, – не возрадуешься!.. Или хватит и Мстителя? Конечно, он оборотень – но такой, который граничит с вампирами. Это не попрыгунчики-вожаки, с коими худо-бедно научились справляться. Этот – почти равен "королю".

Еще и “король”, да! – спохватился Вадим. Ежели нагрянет сейчас… У него-то власти довольно, чтобы захватить управление, – как-никак “помазанник божий”. Михалыча придавил, а уж с “ангелами”!.. Им лишь бы господин погрозней – тотчас на вытяжку встанут!

Остановив “жука”, Вадим приказал прыгунчикам сложиться и поместил каждого в отдельную нишу, накрепко заперев. По его прикидкам, их напора не хватит, чтобы сорвать здешние замки, – так что с тыла ему ничего не грозит. Хотя бы с тыла…

И тут он вновь услышал гул.

В первую секунду Вадим подумал, что возвращается вертушка росичей, и удивился: чего забыли? Но, *протянувшись* к “ворону”, распознал “короля”, не к ночи помянутого. Наконец тот явился сам, безошибочно выйдя на цель. За прошедшие сутки Вадим попортил Рою немало крови – пора и ответ держать.

По-крабьи “жук” устремился с дороги, под защиту крон. Гори все огнем!..

И вправду, почти сразу с неба ударила молния, запалив первое дерево. Но “жука” под ним не оказалось. Почуяв угрозу, Вадим круто поменял направление – к счастью, мощности машины хватало на такие маневры.

Еще раз пять Вадим уворачивался от молний, пока не убедился, что по-доброму Шмели не отвяжутся, и не пальнул в ответ. Конечно, Вадим проиграл бы “королю” в состязании на “вытяг”, однако целиться умел не хуже и подбил вертушку первым же зарядом, благо та уступала верткостью “жуку”. Но на землю она скорее спланировала – смешно было надеяться, что такое падение повредит вампиру. Хотя пилота оглушило крепко – хорошо, не убило. И пару деревьев “ворон” изломал вдрызг, а еще с нескольких нарубил винтами веток.

Второй молнией Вадим покорежил ему пушку, третьей заварил дверцу – больше из любопытства, чтобы проверить силу “короля”. В следующий миг темный колпак “ворона” будто взорвался, и в брызгах пластика наружу вырвалась шипастая фигура. Двигалась она столь стремительно, что почти растворялась в воздухе. И, конечно, “король” не собирался убегать, а желал завершить поединок, начавшийся прошлой ночью. Ну, сейчас он покажет, где зимует кузькина мать!..

Секунду повозившись, Вадим вынул плазмомет из креплений и примерил к рукам: ну да, годится. А вот теперь повоюем!

Это походило на размен фигурами. Правда, пока б*о* льшим жертвовали Шершни. Мы вам старый Дворец да хромой ходульник без стрелялки, а уж вы положьте-выньте и Гнездо, и всех “воронов” с “жуками”, и вожаков полный состав, и пешек поболе, то бишь живой… гм… силы.

С оружием на коленях Вадим расселся в крутящемся кресле, легкими толчками ног отслеживая перемещения “короля”. Может, тот и сумеет продраться сквозь колпак, но при этом неминуемо напорется на смертоносный заряд, пущенный в упор. А приказать Вадиму было не в вампирской власти – он же не Михалыч! Да и тот нашел способ обойти заклятие “короля”… Ну, побегай, побегай. У меня терпения хватит.

– Поговорим? – предложил вампир, возникнув против Вадима.

– Ага, самое время! – со смешком откликнулся тот, направляя на него плазмомет. – Это что, по сценарию положено?

Внешне “король” мало отличался от прочих Шершней, и лишь немногие могли оценить его мощь. Большинство просто подчинялось, не рассуждая. Однако сейчас вампир выглядел странно, будто не в фокусе, – в любой миг готовый исчезнуть, раствориться в воздухе, “как струйка дыма”. А каково следить за ним при форсаже?

– Положим, ты выиграл, – признал главарь. – Партию, но не матч.

– Вначале ты и такого не допускал. Теперь будешь доказывать, что это случайность?

– А ты, конечно, так не считаешь?

– А мне лишь и остается, что играть дальше. Вдруг повезет еще разок-другой-третий?.. Тогда, как Суворов, сошлюсь на умение.

– А если не повезет?

– Хуже-то не будет, верно? Я ведь знаю все, чем вы можете прельстить!

– И?

– Как-то не греет.

– Это лишь твое мнение, – возразил Шершень. – Ну и еще немногих. Вас меньшинство!

– Как будто вы способны оставить в покое таких, как я! – хмыкнул Вадим. – Вы принуждаете нас защищаться!

Главарь опустился на поваленный ствол, демонстрируя доверие, и даже стянул с головы ребристый шлем. Лица Шершневых вожаков оказались грубыми слепками с этого. Пожалуй, вампир был красив: тонкий нос с горбинкой, изящные скулы, пронзительные длинные глаза. Если б не они, Шершень вполне сошел бы за актера, обреченного играть благородных принцев. И голос для этого подходил – звучный, насыщенный, истинно монарший. А как у "короля" насчет клыков?

– Значит, нет смысла покупать тебя сладостью власти? – спросил он.

– Лучше расскажи, чем приходится за нее платить, – откликнулся Вадим. – Вот лично ты кому лижешь зад?

Бестактностью вампир пренебрег.

– И запугать тебя нечем, – продолжал он задумчиво, – раз более всего тебя страшит зависимость. Что же остается?

– Ну наконец – и ты понял, – хмыкнул Вадим. – Да ничего!

– А хочешь, тебя выпустят за Бугор?

– Со всеми желающими? Вы ж зачахнете в несколько дней. Из кого кровь-то сосать – из ходячих мертвецов, что останутся? Вам нужна кровь живых! А один я не уйду.

– Ну да, у тебя же совесть! – заметил Шершень словно бы даже с сочувствием. – Очень неудобоваримая штука, насколько я помню.

– И честь, – добавил Вадим. – И долг. И друзья, которых я люблю. И женщины, которые любят меня. А что есть у тебя, кроме Силы? Про власть не поминаю – ты ее растерял. Хоть кто-то уцелел в твоей Пирамиде?

– Ну, собрать новую – не проблема!

– Вряд ли успеешь. Ты – отработанный материал. Персонаж, который уже отыграл свое.

– Ты уверен?

– Будто сам не понимаешь, в каком дерьме оказался! Ты же провалил что только можно, остался без всего…

– Благодаря тебе, – вкрадчиво вставил Шершень.

– Неважно, – отмахнулся Вадим. – Свалить вину не удастся – даже не пробуй! Вот что б ты сам сделал на месте хозяев? Уж ты знаешь, как поступают с проигравшими!..

– Уж я знаю, – согласился тот. – "Пусть неудачник плачет!" Или платит?

– Он обречен, – подтвердил Вадим. – Закон мафии: ты не убил – тебя убили! Еще один прокол, и тебе каюк. Ты и так засветился – ведь не время еще?

– Это потому, что на моем пути всегда встаешь ты.

– Судьба! – посетовал Вадим.

– А может, мной решили пожертвовать, – предположил Шершень. – Как думаешь, умник? Может, я лишь вызывал огонь!..

– Так радуйся! – съязвил Вадим. – Твоя гибель послужит господину.

– Во всяком случае, дело оказалось провальным. И теперь пришло время платить – мне первому. Или дадут еще шанс, как по-твоему?

– Ну, если принесешь мою голову на блюдце… Хотя, боюсь, и тут не выйдет. А третьей нашей встречи тебе не пережить – такое у меня предчувствие.

– Хочешь меня убить? – спросил вампир. – В чем же дело? Давай!

– Не хочу – придется. Больше-то некому?

– Твой лесовик лихо меня объегорил! Оказывается, и в Пирамиде возможен люфт. Не думал над этим?

– Думал, а как же! Только Михалыч-то в нее еще не вошел, удержался на самом краю. А если уж вступил – все, обратного хода нет!..

– Страх и голод, – сказал вампир. – Вот, что нами движет! А еще власть.

– Когда поймешь, что бояться поздно, – спросил Вадим, – как себя поведешь? Когда с тобой захотят расправиться свои же.

– Хочешь меня напугать? – спросил вампир. – Не старайся. Большой Ужас не переплюнуть ерундой.

– Занятное у вас разделение – по силе. И каждый уровень выше предыдущего втрое. Вы троечники, да? А кто еще настолько любит власть!

– В твоих построениях ошибка, – заметил Шершень. – Ведь это мы наделяем “птенцов” Силой. И коэффициент выбираем сами. Втрое, впятеро – как захотим.

– Наверно, вы можете сделать из серка Мстителя, – возразил Вадим. – Но серком тот должен стать сам. Исходный уровень тоже важен. Вот ты среди вампиров слабак – так, едва дотягиваешь. Подумаешь, дверь вышибить да юнца подколоть!.. А из Мстителей прорастут чудовища. Я не прав?

– Тебе-то и меня много. Выйди, проверь!

Усмехнувшись, Вадим продолжал:

– И оборотни под тобой плохонькие… были. Лишь и умели, что переключаться на форсаж. А обретать новое качество – шиш. Куда им до Мстителей!.. Интересно, этих-то какой вампир плодит? И вампир ли?

– Ты быстро растешь, – заметил Шершень со странной улыбкой. – С одной стороны, это пугает. Но когда бояться станет поздно…

– Тебя как зовут, “король”? Перед поединком положено называться.

– Зови меня Бонд, – после паузы откликнулся тот.

– Джеймс Бонд? – ухватился Вадим. – Четырехбуквенный, значит. Случаем, Бондарю не родич? Хотя тот рангом выше – по крайней мере на букву. А над ним еще две ступени, да? Или три?

– Есть вещи, – медленно сказал вампир, – от которых лучше держаться подальше. Для собственного блага.

– А то что – убьешь меня? Ты уже пробовал.

– Ты не понимаешь, на что посягнул. Если за тебя примутся Высшие, любой кошмар покажется ерундой!

Кажется, “король” искренне старался Вадима предостеречь: не потому, что испугался за него, – скорее за себя. Вот так нечаянно сболтнешь лишнее… Или с умыслом?

– Ты вообще-то из здешних? – спросил Вадим. – Или пришлый, как зверье? Или на этом уровне вас вперемежку? Конечно, пришлые рангом выше!.. Не обидно, а? Не говоря о том, что чужаки примутся устанавливать тут свои порядки, и от вас в итоге не останется ничего!

Он уже зацепил чужое сознание и регистрировал реакцию вампира получше любого детектора лжи. Тому даже не надо было отвечать – достаточно и того, что Шершень слышал вопросы.

– Какой у тебя стаж? – продолжал наступать Вадим. – Три года, пять… двенадцать? Кто над тобой: Бондарь, Феропонт…

– Я сейчас уйду, – предупредил “король”. – Если не замолкнешь.

– Ну да, – не поверил Вадим. – Уйдешь, как же!.. А где твоя прощальная речь?

– Ты еще не понял, почему мы столкнулись? Думаешь, случайность?

– Да нет, просто оба оказались на острие.

– Нас связывает больше, чем думаешь. Не один ты ходил в ангелах, да только многие – пали. Когда-то и меня считали “чистым, гордым, вольным”… Не оправдал.

– “И знали рай в объятиях” твоих? – взъярился Вадим. – Ты на кого намекаешь, урод? Откуда ты взялся, где твой дом?

– “Дома у нас печальны”, – с той же усмешкой сказал Шершень, будто откликнулся на пароль. – У обоих. Не хочется возвращаться, верно? “И ужасом той мертвой пустоты…”

Но Вадим уже восстановил хладнокровие.

– Даже если не врешь сейчас, сравнение хромает, – заметил он. – Бедняга Вальсингам потерял свою любовь, а ты – предал!

– Я завис над бездной, – возразил “король”. – Никто не любит Шершней – даже те, кто их насылает.

– Любви тебе недодали? Еще один обделенный!.. Видно, очень боялся продешевить, все норовил отдаться подороже – вот и остался на бобах. Говорят, испытания закаляют сильных. Но ты оказался слаб.

– Брат мой, ради бога, – мертвым голосом сказал вампир, – оставь меня…

– “Ступай за мной!” – велел Вадим, особенно не надеясь.

И тут “король” снова бросился, выхватывая мечи, – точно подхваченный смерчем. Вадим предвосхитил его атаку, наискось рубанув перед собой серпастой “жучьей” лапой, будто компьютерное чудище. Он и впрямь ощутил себя “жуком”, на секунды слившись с машиной, и такой симбиоз оказался убийственным. Вампир, правда, успел отскочить, но еще чуть, и удар развалил бы его надвое.

В следующий миг “король” метнулся прочь и исчез за деревьями. Мгновения спустя он уже вырвался за пределы *мысле -облака* , и сколько Вадим ни *тянулся* за беглецом, достать не смог.

А если Бонд не врал? – подумал он. Тогда мы с ним и впрямь братья по несчастью – вот смеху-то! Ах, Эва, Эва…

Отложив плазмомет, Вадим вновь взялся за управление. Конечно, он не мог тягаться прытью с “королем” – но этого и не требовалось. Быстротой мысли Вадим не уступал вампиру, а следить за ним мог через *облако* . И каждое движение его пальца во много раз ускорялось и тысячекратно усиливалось лапами “жука”, делая его опасней любого существа – во всяком случае, из известных. Получается, ходульник – идеальное средство для охоты на вампиров, если располагаешь *облаком* ! Как же Вадим сразу-то не допер?

Без труда взяв след – прямой, как полет стрелы, – он потрусил за “королем”, малопомалу набирая скорость. Странно, но уводил тот не к Городу, а наоборот, все глубже в лес. Уж не решил ли вампир сбежать за Бугор?

Но не прошло и часа, как след “короля” оборвался, упершись в высоченную бетонную стену, плавно изгибавшуюся по окружности. Перебраться через такую “жук” бы не смог, а вот вампир ее просто перепрыгнул. И укрывалась за ней одна из сель-коммун, о которых Вадим до сих пор только слышал.

Неудивительно, что охраняемые блюстами обозы отошли в прошлое. Сюда не добрались бы и бронированные колесники крутарей. По сути дороги не осталось. Только заболоченная прореха в кольце одичалого леса указывала на место, где она когда-то пролегала. Да еще ворота в могучем периметре, ограждающем поместье.

Протянув к их верху пластиковую лапу “жука”, Вадим нехотя выбрался на воздух, одной рукой придерживая под мышкой спасительный плазмомет. По созданной дорожке взбежал на ограду, где простоял долго, созерцая открывшийся пейзаж. Кроме нарядной трех-

этажной усадьбы внутри периметра обнаружились странного вида бараки, похожие на гроздья осиных гнезд, и ряды длинных грядок, засаженных растениями с мясистыми стеблями и листьями, больше похожими на оладьи. Или то были плоды?

Вообще все это смахивало на плантацию, как Вадим ее представлял. Значит, тут были и рабы, и надсмотры… даже плантатор!

То-то, что были. На сей раз у “короля” оказалось достаточно форы, чтоб обрубить все концы. Плантатора, как самый ценный кадр, он увел с собой (может, и еще кого), а нескольких надсмотров, на свою беду знавших лишнее, попросту изрубил в капусту, загнав в подвал. Наверняка и в здешних архивах не стоило копаться: выбрано вчистую. Из всех свидетелей уцелели только рабы – спасибо и на этом. Хотя вряд ли они знали много. Во всяком случае их ценность перевешивала знания, иначе бы Шершень не постеснялся.

Как видно, ульи рабов хорошо прогревались за день, собирая тепло в срединной трубе, а с вечера закупоривались, остывая до самого рассвета. Ночлежники загружались в ячейки ногами вперед, а вблизи голов создавалась вентиляция, не выстужавшая норы. Куда более подходящее жилье для нынешнего климата, чем привычные бетонные клетки! Может, подобные же людятники планировались и для трудяг со спецами? Зачем им больше-то? Роскошь развращает.

Рабы уже спали, расфасованные по ячейкам, и только с десяток оборванных, припорошенных снегом фигур, в большинстве женских, неприкаянно слонялись меж бараками, чвакая ногами по мерзлой грязи. Наверно, то была дворня, изгнанная из усадьбы и оглушенная нежданно свалившейся волей. А раз «король» не порубил ее заодно с надсмотрами, спрашивать было без толку. Только и знали: поднеси, убери, задери подол, наклонись!.. Кроме понятной тоски по теплому углу Вадим ощутил в каждой из них унылый голод – из-за ночного переполоха бедняг не успели покормить. Вдобавок по многочисленным лужам уже шныряли пиявки – не столь опасные, как их подбугорные сородичи, однако очень неприятные для голоножек.

Потерянно озираясь, дворовые сбредались к усадебному крыльцу, с ожиданием поглядывали на высокого гостя, одетого и вооруженного, словно инопланетянин. Конечно, это не по-людски, но Вадим не мог побороть брезгливость. Они ведь даже не были под заклятьем – просто растеряли достоинство.

Сторонясь их заискивающих взглядов, Вадим спрыгнул на пластиковую тропинку, проложенную над грунтом, прошел к усадьбе, выверенным пинком распахнул створки парадной двери. Затем махнул повелительно рукой: мол, все за мной! – и вступил в просторный холл, из которого выстланная ковром лестница уводила в верхние этажи. Наставив перед собой плазмомет, Вадим стал подниматься, прощупывая *мысле -облаком* помещения.

В доме было пусто, если не считать трупов в подвале. Для надежности обойдя все комнаты, Вадим собрал в подвернувшееся лукошко немногие остатки съестного и снес оголодавшей прислуге. Делить не стал – еще не хватало!

Из всех этих затурканных особ Вадиму приглянулась тощенькая смуглянка с голыми плечами, явная иноземка, – на ней он и задержал взгляд, прежде чем снова отправиться наверх. И совершенно напрасно, как выяснилось чуть позже.

Был тут еще один незаурядный экземпляр, но совсем на иного ценителя. Ее лицо было простым и бездумным, как сама пустота, а груди столь обширны, что едва умещались на крепком торсе, и так свисали под собственной тяжестью, что со стороны казались верхом вздымающегося живота. (Попробуйте навесить на себя пару арбузов! Никакой лиф не вернет их на место – нужен домкрат.) Похоже, этим бюстом красотка и заслонила хилую иностранку от посягательств здешнего племенного бычка, плантатора-комуннара. К счастью, у него оказались другие вкусы, нежели у Вадима.

А вампир все же наследил. То ли опять недооценил преследователя, то ли не очень старался. Внутри камина (кстати, действующего) Вадим обнаружил лифт, ведущий глубоко вниз, под разветвленный подвал, в длинную комнату, похожую на небольшой склад из-за развешанных по стенам полок. В дальнем конце мерцала крышка, прикрывая вход в зеркальную трубу, живо напомнившую Вадиму лабиринт из его потусторонних видений. Туда, вероятно, и ретировался здешний помещик, увлекаемый “королем”. По этой же трубе поставляли в коммуну насущное, включая рабов, и по ней уходил в Крепость урожай, контейнер за контейнером. Конечно, пневмопочта – давнее изобретение, но здесь оно обрело вторую жизнь.

Заперев люк на все засовы, Вадим вернулся в залу, убранную с той же патриархальной роскошью, какую он оценил еще на входе. Места здесь вполне хватало для этих раскидистых кресел и диванов, кушеток и пуфов с пышными сиденьями, огромных столов на гнутых ножках и пушистых ковров, уложенных поверх паркетного пола. Но более остального Вадиму приглянулся камин – вот чего всерьез недоставало в современных квартирах!

Расслышав робкое царапание в дверь, Вадим скользнул к ней и распахнул. Перед входом стояла, зябко обхватив себя руками, давешняя смуглянка в декольтированных лохмотьях и сосредоточенно терлась подбородком о собственное плечо, почти готовая зарыдать. Походила она то ли на индианку, то ли на бирманку, то ли и вовсе на индонезийку. Хотя покрой платья больше подобал латиноамериканке. Или цыганке, какими их представляли в кино.

– Что? – негромко спросил Вадим.

– May I come in? – прошептала девушка через силу.

– What for?

После паузы она решилась:

– I may sleep with you.

– But I can`t!

Она впрямь была иностранкой, завезенной сюда еще малышкой. Кажется, даже мелькала недавно по тивишнику – с песнями и плясками из индийских фильмов, столь почитаемых в народе. И как обхаживали ее эти годы, если даже не обучили туземной речи!.. Теперь сия экзотика показалась на Студии чрезмерной, и чудачку вышвырнули на обочину, как многих прочих.

Вадим еще раз оглядел гостью – от сбитых маленьких ступней, по щиколотки вывожженных в слякоти, до спутанной черной гривы. Девушка и поныне так старалась расправить гибкую спину, что даже слегка оттопыривала задок. Впрочем, смотрелось это симпатично.

Он покачал головой, удивляясь ее смущению.

– What`s the matter, honey? – спросил. – Is that first time?

– Yes, – призналась она тихо. – Becourse you – kind man.

– В хорошие руки, да? – фыркнул Вадим и выругался чуть слышно. Делегировали ее сюда, что ли? От здешней челяди новому господину – самый свежачок! Только сейчас доставили в посылочной капсуле, еще ополоснуть не успели… Или сама додумалась?

– Ну, заходи, – сказал он и перевел: – Come in!

Все-таки пришлось взять ее за руку и – покорную, с понурой головой – отвести в ближнюю ванную, которая и впрямь по ней скучала.

– Разберешься? – спросил Вадим.

Машинально она кивнула. Помятуя о стыдливости бангладешских крестьянок (при наводнениях умиравших от голода в кустах, лишь бы не показаться на людях голышом) и целомудрии бирманских студенток (во время путчей десятками выбрасывавшихся из окон, лишь бы не достаться солдатне), Вадим оставил гостью одну, чтобы заняться своими делами. Но когда вернулся, она сидела на пятках в пустой ванне, дрожащая и съежившаяся, бессмысленно прижимая к груди скомканное платье – собственно, единственную свою одежду.

Тихонько чертыхнувшись, Вадим поставил перед ней таз, сунул в руки мыло. Механически девушка принялась за стирку, благо процесс, видимо, оказался знаком; а он включил на полную душ и стал ее мыть, стараясь только не заходить за некую, весьма условную грань. Бедняжка не возражала. Стыдливости в ней обнаружилось немного – по крайней мере, сейчас. Как насчет целомудрия?

Когда сошли первые грязевые потоки, Вадим уложил гостью на дно ванны, быстро наполняющейся горячей водой, и двинулся по второму кругу, теперь промывая набело.

Конечно, справедливости ради следовало таким же образом обслужить публику, зябнущую в вестибюле, – а затем и всех плантационных рабов. То есть соблюсти принцип: всем или никому! Проблема в том, что из всей прислуги Вадиму приглянулась лишь эта малышка.

– Ну-с, – сказал он затем, – go to bed. Sleep так sleep. Настал час расплаты!

Ему в самом деле требовалось вздремнуть – хотя бы с часок. За сегодня уже столько случилось! Суточная норма выполнена, даже с превышением.

Так же покорно “бирманка” подставилась под полотенце, коим ее энергично растерли, и пошлепала в спальню, кончиками пальцев неся перед собой почти сухое платье (которое Вадим столь же энергично отжал, едва не разорвав надвое). Аккуратно повесила его на спинку кресла и юркнула под одеяло, будто вспомнив наконец о стыдливости. А может, ей стало зябко: все ж здесь не Бирма!

Натянув одеяло до подбородка, смуглянка с ожиданием и опаской уставилась на Вадима, почти достающего макушкой потолок. И сам он показался себе громадным бледным валуном, чуть ли не айсбергом, грозящим обрушиться на темнокожую кроху. Ну да, щас!..

– What`s your name? – спросил Вадим.

– Uma, – шепнула кроха.

– Спи, Ума, – велел он. – By-by, сладкая, “глазки закрой”. Конечно, я гурман, но не людоед. Let`s sleep on it.

Когда он вернулся после душа, девчушка и впрямь заснула, свернувшись калачиком. А только Вадим лег рядом, как она безотчетно прижалась к его жаркому боку, уложив голову ему на грудь. Большего Вадиму не требовалось. Живая душа рядом – что еще? Как Ума нуждалась в его тепле, так и Вадиму надо было делиться.

А снились ему давние подружки и странные с ними отношения, затеваемые на новом витке, после долгой разлуки. Господи, к чему мне забытые проблемы! – негодовал Вадим даже во сне. Мало нынешних?

Но не просыпался.

Глава 2. Новые породы

1. В лесу прифронтовом

Едва забрезжило, Вадим разбудил смуглянку Уму, сладко разомлевшую в его жаре. Нагишом она и вовсе напоминала диковинного зверька, очаровательную обезьянку – со скуластым личиком, большими блестящими глазами, тупеньким носом и пухлым ртом, бесшерстную, но гривастую, на гибком смуглом теле которой розовели только ладони и подошвы. И как это Бату пропустил, не прибрал “бирманку” в свой гарем? Хотя, если разобраться, у Вадима гарем не меньше – ведь столько крючочков разбросано! Только и отличий, что у него все гуляют на воле, а не сидят под замком, и сам он не решается никого тронуть. Зато какие кобылки: одна другой краше!.. Уж любоваться имею право?

Он опять пропустил Уму и себя через душевую, сунул девушке высохшее платье. Затем, уже одетую, провел через вестибюль, мимо спящих вповалку дворовых, и дальше, по заиндевелой скользкой дорожке, – к самым воротам, где покорно ждал ходульник вместе с безропотными “ангелами”, запертыми в нишах. Подбросив им фруктов, Вадим опустился за пульт, а в соседнее кресло усадил испуганно озирающуюся голоножку. Оставлять плантатору эдакий свежачок он не собирался. Хватит с него историй про насилия над малолетками!..

Сориентировавшись по мысленной карте, Вадим снова пустил “жука” через лес, втаптывая в грязь свежий снежок. Он старался не ломать разросшийся кустарник, не царапать стволы, но временами заросли сгущались настолько, что приходилось идти напролом. И даже тогда Вадим почти не снижал скорости – все-таки для глухомани лучшего транспорта трудно желать!.. Собственно, ходульник и создан для диких мест.

Через час с небольшим они прорвались сквозь последние ветки и выскочили на знакомую поляну, слегка припорошенную белизной поверх травы. Впервые Вадим наблюдал блокгауз ранним утром, в косых и уже теплых лучах восходящего солнца, быстро рассеивающих ночные тучи. И смотрелся тот даже уютно. А прозрачный воздух бодрил и взывал к здравомыслию, убеждая, что недавние кошмары лишь привиделись.

Без обычной опаски Вадим подъехал к дому. Помахав рукой Оксане, по пояс высунувшейся из окна, он оставил “жука” и вместе с Умой прошел в калитку, с любопытством озираясь.

Нынче здесь оказалось непривычно людно: знакомые фигуры мелькали не только в доме, но и на крыше, и в ближних кустах. Как ни рано поднялся Вадим, эти ребята сегодня не спали вовсе, полночи продираясь через захламленный лес. Добрались они сюда на двух бэтрах и от самого Замка вели за собой кабель, одетый в пластиковую оболочку – столь прочную, что ее не повредил бы даже взрыв. Под землей росичей сопровождал “скалогрыз”: жутковатый проходческий механизм, похожий на метровую гусеницу, – за которым, по проплавленной зеркальной норке, тащился кабель, словно нитка за пауком. Причем скоростью машина не уступала бэтрам, ехавшим поверху. В числе прочих полезных вещей “скалогрыз” был обнаружен в Гнезде, набитом добром, словно сундук, который волны прибили к необитаемому острову.

Как видно, росичи решили превратить блокгауз в один из своих форпостов. Даже несколько компов сюда доставили, и теперь пара сварливых технарей под суетливым руководством Тима устанавливала их в кабинете Михалыча, оборудуя пультовую. Четвертый спец, седовласый и тощий Конрад, с головой ушел в модернизацию страж-системы, слоняясь по окрестностям в сопровождении настороженного крутаря. На новых гостей технарь даже

не взглянул. Правда, невиданный ходульник, затормозивший вплотную к дому, на секунду привлек его внимание. Но подробный осмотр Конрад отложил на потом – видно, за вчера насмотрелся всякого.

Вообще все тут были при деле, исключая разве самого хозяина и гиганта Гризли, разомлевшего в обществе здешних прелестниц, Оксаны и Милицы (два облаченных в сарафанчики тела при одной участливой душе). Расположились они в той же светлице, за памятным столом, предаваясь чинному кофепитию под роскошные выпечки. Ассортимент их еще расширился – наверно, благодаря Милице, привнесшей в дом новые рецепты.

Нагрянувшего Вадима, предваряемого оборванной, но чистенькой смуглянкой, встретили радостно. Даже угрюмый Михалыч пробурчал что-то одобрительное.

– Растет женское поголовье! – приветствовал Гризли его спутницу. – Да все такие славные!..

Все-таки не зря он считался первым росским витязем – первым по стажу и по силе. Гризли сделался еще массивней, уже едва умещаясь внутри доспехов. По росту запас оставался, но шириной богатырь доставал серков. Видимо, при захвате Гнезда он сцепился с Шершневым вожаком. Конечно, тот сумел отбиться, но ведь и Гризли выжил!.. Вот, теперь осваивает новую полку.

– Да уж, славы Уме не занимать, – подтвердил Вадим, вдвоем с “бирманкой” подсаживаясь к столу. – Но все преходяще, увы.

Радушная Оксана кинулась их обслуживать, шлепая по строганому полу босыми ногами. Быстро расставив чашки, наполнила их дымящимся кофе, придвинула к гостям вазы с печеньем. И сама подсела ближе к Вадиму, с удовольствием потчуя новыми сортами, беззастенчиво прижимаясь к его руке юной грудью. Кажется, она уже почитала Вадима за родича – то ли старшего брата, то ли любимого дядю. Или это в ней женственность пробуждается?

– Эк тебя привечают! – позавидовал Гризли. – Даже скандала не закатили… Не спать! – вдруг рявкнул он в сторону кабинета. И подмигнул Вадиму: – Ну, публика – перекуров больше, чем работы! А уж задницу лишний раз оторвать…

В его глазах мерцали горячечные огоньки, словно у начинающего безумца. И очень он напирал на бутерброды. Гризли всегда был не дурак поесть, а нынче и вовсе открылся жор. Как у прочих витязей, его сознание уже заполняло тело, жестко контролируя каждый орган, управляя, подхлестывая. И плотности в этом эфирном двойнике прибывало с каждым часом – будто подрастал младенец-богатырь. Эдак и своему прототипу Гризли вскоре на руках растолкует, кто тут царь зверей. По старой памяти Бэк попробовал было на него гавкнуть, но гигант рявкнул в ответ с такой силой, что бедный пес даже присел, будто от акустического удара. Зычностью и густотой это смахивало на львиный рык, а собаки, как известно, чтят громогласных.

– Лина доплюхала нормально? – спросил Вадим. – Никто не выпал по дороге?

– Все путем, – заверил крутарь. – Шлет приветы. Слава богу, Брон не ревнивый. Или ему не до того – столько суеты!.. Спим урывками и не хочется – на таком все подъеме.

– Ну, неделю вы на этом подъеме продержитесь… ну, две…

– Больше не надо, – уверенно сказал Гризли. – Все решится раньше.

В самом деле, через пару недель можно спокойно впадать в спячку – “поезд ушел”.

– А ты сам – как? – поинтересовался Вадим.

– В смысле?

– Растет моща-то?

– “Сама пошла”, – похвастал Гризли, ухмыляясь во всю ширь мясистого лица. – Будто на дрожжах. А помнишь, как мы вкалывали, чтобы сдвинуться на чуть? Голову кружит, сердце екает, суставы трещат, самого шатает. И прикидываешь: то ли прорвешься к новой силе, то ли окочуришься.

– Чаще заканчивалось компромиссом, – вставил Вадим. – Болячка или травма – и начинай разбег снова.

– Зато теперь только успевай считать килограммы!..

– И много набрал?

– Да ну, о чем говорить! – ответил гигант, явно кокетничая. – Разве это вес?

Действительно, даже кресло пока выдерживает. Хотя не каждое.

– Ем теперь раз в день, – добавил Гризли. – Но уж с утра до вечера. И все равно не хватает. Где бы разжиться приличной кормежкой? Свежатинка – и то проблема.

– Свежатинка – это что?

– Мясо, – пояснил крутарь. – Пока оно свежее, сочное – оно живое. А завяло – все. Есть надо живую пищу.

– Живую им подавай! – проворчал Вадим. – Скоро и впрямь станете пожирать зверей, срезая ломти с живого.

– Н*и* коль, говорят, пробовал. А я не могу – с души воротит.

– Твое счастье: душа есть. А за своим карлой приглядывайте – как бы не перевернулся.

– Это как?

– Как перевертыш. Повадки у него, точно у оборотня, и чем дальше, тем заметней.

– Ну, ты суров! – хмыкнул Гризли, однако задумался: видно, у самого копились подозрения. Правда, процесс этот давался ему трудно – другая специализация.

– А знаешь, какой продукт в природе самый белковый?

– Какой? – послушно спросил гигант.

– Саранча, – ответил Вадим. – Ну, еще пауки. Семьдесят процентов протеина!

– Ну да! – развеселился Гризли. – Это что ж мне, за каждым паучком гоняться? – Он даже фыркнул, представив картинку. – Хотя…

И здоровяк опять наморщил лоб, наверняка вспомнив про исполинских пауков подземелья, живущих колонией. Ну, твари, стерегитесь! Если крутари войдут во вкус…

– Старый, да ты параноик! – Вадим укоризненно покачал головой. – Нельзя зацикливаться на одной идее. Для равновесия нужна еще парочка, иначе крыша поедет. Может, живописью займешься?

– Ага, щас! – хохотнул Гризли.

– Я не шучу. Погонишься за одним зайцем – это ж какой прокол, если упустишь! А так: сменил направление – и ни обвала тебе, ни депрессии… Знаешь, когда кончается жизнь?

– Ну?

– Когда смысл теряется. Тогда рушится здоровье, опускаются руки и прочее… А то и сам головой в прорубь. Так лучше уж иметь их парочку.

– Рук? – с тем же смешком спросил Гризли. – Или прочего?

– Смыслов, – ответил Вадим серьезно.

Он по себе знал, как затягивает гонка за силой. Для нормального мужика такой азарт покруче любой игры, сколько б ни было ему лет – 16 или 60. Когда начинается “путь в неведомое”, забываешь обо всем. Ночей не спишь, все повторяешь в уме объемы и веса, достижимые через месяц, два… через год. (Ну, через год ты уже Геракл!) Сравниваешь себя с признанными силачами. Подбираешь упражнения, планируешь комплексы, рисуешь таблицы, чуть ли не диаграммы. Мысленно прокручиваешь движения, невольно наливаясь жаром, будто и впрямь тужишься. Так нафантазируешься до тренинга, что, когда добираешься до “железа”, сил уже не хватает. Ну, ладно…

– Как поживает селянка? – спросил Вадим у хозяина. – Не тоскует по своим?

– У нас, поди, не хуже, – повел плечами тот. – А тосковать ей, в общем, и нечем.

В его взгляде, брошенном на Милицу, Вадиму почудилась нежность. А что, в самом деле? – подумал он. Молодуха справная, в самом соку. К тому ж покорная, несуетная, слова

лишнего не проронит. И связывает их смерть да воскрешение – прочнее уз нет. А что без души – так сколько их!.. Может, такая и нужна затворнику, “чтобы спокойно встретить старость”? Дочка-то скоро упорхнет, судя по всему. Ей уж тесно тут.

Из кабинета выскочил Тим, распаренный руганью с подчиненными.

– Ага, и ты здесь, – отрывисто сказал он, увидев Вадима. – Ну дык!.. А твои бабы где?

– Вот, она взамен, – кивнул тот на Уму. – Рекомендую.

– Господи, везет некоторым! – воскликнул щупляк. – Ведь постоянно вокруг вьются, как над дерьмом!..

– Это ты – муха навозная, – возразил Вадим. – А бабочек тянет к нектару. Сюда-то зачем приперся?

– Так в Замке скукота! Девочки уж разобраны, вы с Кирой запропастились. У творцов крыши вразлет, а Власий к вечеру и вовсе наклюкался – где только раскопал?

Подтащив стул, спец втиснулся между Вадимом и Умой и налил себе кофе, сперев у Михалыча освободившуюся чашку. Притянул поближе вазу с печеньем.

– И не страшно было ехать?

– Полдня боролся с собой, – признался Тим. – Потом кто-то из нас победил, и вот я тут!

– Победитель! – фыркнул Гризли. – Видели б его, когда мы подстрелили кикимору! Забился в угол, глазки закатил, окутал себя какой-то мерцающей дрянью – сам чуть не задохнулся…

– А на кой ляд было затаскивать ее в кабину? – огрызнулся коротыш. – Господи, такое в страшном сне не привидится! У меня даже ноги отнялись…

– Что ты за мужик, – пророкотал Гризли, – если собственными мослами распорядиться не можешь. Хочешь, чтоб за тебя управились чужаки?

Уж своего Зверя гигант содержал в такой строгости, что никакой вампир не сумел бы вмешаться.

– Я не мужик, – кисло возразил Тим. – Я нормальный цивилизованый мужчинка, коему ни к чему скакать по лесам и болотам, добывая пропитание. Я сапиенс, понимаешь? А сапиенсы отличаются от зверья мозгами, а вовсе не мышцами!

– Спецы! – с презрением сказал гигант. – Умники!.. Кабы не мы, запаршивели б в своей Крепости. Или слонялись сейчас по помойкам, кормясь объедками. У вас мозги настроены на безделье. Ежели вас не подхлестывать, сыщете сотню причин, лишь бы не дергаться. Хоть бы разобрался со своими фокусами – а может, ты готовый маг?

– Типун тебе… – испугался малыш. – Говорю ж: я нормальный! Мало что выскочит с перепугу? У меня и справка есть. Никаких отклонений, понял?

– А тебе трудно попробовать? Что ты теряешь!.. Или боишься лишний раз задницу от стула оторвать?

– Передай своему громиле, – сказал Тим Вадиму, – что, когда у одного помершего силача взвесили мозг и бицепс, – оказалось, бицепс весит больше.

– Передай своему задохлику, – лениво откликнулся Гризли, – что у него тоже зад наверняка тяжелей головы. И о чем это говорит?

– А ведь мускульные нагрузки и впрямь угнетают работу мозга, – поддел Вадим богатыря. – Думаешь, почему пролетариат такой организованный?

– И что? – не растерялся тот. – Мало у нас умников? Вот пусть они соображают!

– Да вишь, беда какая: соображать-то они вроде умеют, и даже чудеса иной раз удаются, однако трудиться разучились напрочь. А ведь как ругали Крепость, что не дает развернуться!

– Бедняги, – хмыкнул крутарь. – Сдалась им эта воля!.. Они-то хотели той же клетки, только чуток пошире. Вот и опешили теперь.

В этот момент в комнату вступил Конрад. Молча прошел к столу, сел на свободное место, рядом с Гризли и напротив Тима, и зацепенел, терпеливо ожидая, пока обслужат.

Увидев троицу вместе, Вадим поразился, сколь далеко разошлись породы – будто разные виды. Колоссальная фигура Гризли вовсе не казалась грузной, каждое его движение удивляло легкостью и было выверено до миллиметра. Гигант был насыщен энергией, однако держал ее в узде – ни лишнего жеста, ни пустого слова. Зато Тим суетился и дергался, как мартышка. А Конрад выглядел заторможенным и расхлябанным – точно пьяный. А ведь они лучшие среди спецов!..

– Хватит о грустном! – возгласил Тим, размякшим взглядом лаская девичьи фигуры, а безропотную малышку Уму только что не обнимая. – Дамы скучают!.. А не устроить ли нам танцы?

Но тут на пороге кабинета вырос нахмуренный технарь, исподлобья оглядел пирующих и пробубнил, опасливо переступая замызганными башмаками (видно, уже схлопотал от Оксаны):

– Ну, кажись, налажена связь.

– Слава богу, разродились! – обрадовался Гризли. – На дядю пашете? Надоело же вас шпынять!..

Бедняга насупился еще пуще, но спорая хозяюшка тотчас одарила его подносом с двумя чашками кофе и фирменным набором выпечки. Умиротворенный, спец отступил.

– Пошли, что ль? – сказал Гризли, бодро вскакивая. – Брон заждался!.. Михалыч, идешь?

– Отзынь! – отмахнулся хозяин. – Без меня умные.

Нехотя Вадим оторвался от угощения и вместе с Тимом поспешил за крутарем, оставив “бирманку” на попечение приветливой Оксаны и угрюмого колдуна. Мало им бездушной Милицы – добавилась иноземка, которая по-русски ни бум-бум. Правда, умница-ведьма слегка кумекает в английском, так что договорятся.

На просторных экранах, словно на оконцах в завтрашний день, где видеосвязь станет обычным делом, светилось выразительное лицо Брона. Только компания подсела к мониторам, как изображение распалось на квадраты и в каждом возник свой лик. Теперь, кроме князя, с экранов смотрело трое: Юстиан, Гога, Игорек. (Власий, наверно, еще не проспался) Причем все подключились к разговору из разных комнат – эдакое коллекторное совещание с максимальным эффектом присутствия.

Тяжелым взглядом Гризли выдавил технарей в соседнюю комнатку, где уже устроили страж-пульт, и подождал, пока за ними закроется дверь.

– И ладушки, – проворчал богатырь. – У вас своих дел по горло.

Первым, конечно, заговорил Брон – на это его право пока не покушались.

– Какие новости, Вад? – спросил он. – Где еще побывал?

– На плантации, – откликнулся тот, с удовольствием озирая знакомые физиономии. – Или в сель-коммуне, по-нынешнему. Туда и завлек меня “королевский” след.

– А куда он повел дальше?

– В трубу, – сказал Вадим. – Я *протянулся* по ней, сколько смог.

– И?

– Похоже, она нацелена в Центр и дорожка сия Шершню знакома. Во всяком случае, его не испугала встреча на том конце. А главного коммунара он прихватил с собой.

– Не нравится мне эти подзем-ходы, – пробурчал Гога. – Раньше-то, в нормальных войнах, больше заботила угроза с воздуха. Если крепостники вот так же подберутся к Замку…

– Далековато, а? – усомнился Тим, как и всегда, пытаясь приукрасить реалии. – Столько километров долбать, да по камню!..

Если массивного Гогу выделяла редкостная оперативная память, то щупляк Тим отличался завидным быстродействием. Но иногда его слова обгоняли мысли.

– Наверняка от Крепости к Гнезду протянут канал, – сказал Вадим. – Надо законопатить, пока не поздно.

– Или подготовить встречу, – жестко повернул Брон. – У нас есть похожие машинки.

– Боюсь, сражение под землей мы проиграем, – вздохнул Вадим. – Чужая территория. Лишь и можем, что организовать оборону.

– Или ударить первыми, – снова прибавил крутарь.

– Ну да, предупредительный выстрел в голову! – развеселился Тим. Но тут же умолк, натужно кашляя.

– Мы уже устанавливаем по Замку сейсмодатчики, – сообщил Юстиан. – На случай подкопа. Это не считая прочих ухищрений.

– Если б знать в Крепости слабые места! – произнес Гога. – Пока баланс сил не в нашу пользу. Но и время работает не на нас – выжидать опасней.

– Раз "король" сбежал через поместье, – предположил Юстиан, – может, он подчинен Главе сель-коммун? Что если Шершни не убирали опасных смутьянов, как мы полагали, а заготавливали корм для гурманов?

Кажется, идея была достаточно безумной – Тим даже дернулся.

– Мясо, мозги, кости? – тотчас спросил Гога. – Или кровь? Тогда в ход идет версия Вадима: про вампиров.

– Боже, не надо! – опять не сдержался Тим. – Давай что попроще. Почему не обговорить "химию"?

– Вряд ли на нас нападут плантаторы с надсмотрами, – заметил Брон. – Им бы только безответную скотину гонять!.. Скорее натравят блюстов – если не припасли кого покруче.

– Кто о чем… – ляпнул Тим и заткнулся, увидев усмешку на твердом лице князя. Конечно, тявкать на смирного Вадима куда как проще!

– А еще вспомните Мстителей, – продолжил крутарь. – Кто они, по-вашему?

– С этим – к Вадиму, – сказал Юстиан. – Он единственный, кто с ними сталкивался и кто унес после этого ноги.

– И голову, – прибавил ничего не забывающий Гога. – И лапу… Я имею в виду части забитого монстра. Вы хоть исследовали их?

– Исследуем, – ответил Юстиан. – Со вчерашнего дня. Пока без особого продвижения. То есть понятно, что голова принадлежала человеку, а лапа зверю, – но вот как один превращался в другого?..

Оба тяжеловеса, творец и системщик, сидели в креслах как влитые, с бесстрастными лицами, и только глаза выдавали живость мыслей. Успели они познакомиться или нет, но понимали друг друга без затруднений.

– Если принять мою версию, – вступил Вадим, – это оборотень, хотя не простой. ("А золотой", – чуть слышно брякнул Тим.) В Пирамиде каждому слою отводится некий диапазон высоты. Конечно, диапазоны не перекрываются – лишь соприкасаются. Так вот, Мститель – это без пяти минут вампир, причем вампир высшей квалификации, куда страшнее "королька". Когда из таких куколок станут вылупляться стрекозы, нас не спасут никакие ходульники.

– Но ведь и мы спать не будем? – спросил Брон.

– Хочется верить.

В кабинет тихонько вступила Оксана и принялась обносить гостей свежими порциями бутербродов, рассудив, что таким здоровякам требуется вдвое. Наклоня голову, Тим следил за ней с открытым ртом, будто не видал женщин год.

– От этого мало го держись подальше, – предостерег Вадим. – Что он умеет, так это бить на жалость. И не заметишь, как "просклизнет", куда не следует.

– Ох-ох, ты больно честный! – взвился Тим. – Как ни увижу – рядом дева!..

– Они ищут защиты, – пояснил Вадим. – От таких, как ты.

Рассмеявшись, Оксана взъерошила ему волосы и упорхнула, вдруг застеснявшись. Либо вспомнив о бедняжке Уме, явно робеющей косматого хозяина и громадного пса, похожего на медведя. Да ведь у них, в Бирме, и настоящих медведей-то не водится! Одни лишь панды да губачи.

С непроходящим энтузиазмом Гризли принялся за бутерброды, заглатывая каждый в два приема. Вадим наблюдал за ним с трепетом: это ж какие объемы тот собирается наесть? Как бы вместо богатыря не образовался великан.

– Ты не Гризли, – заявил Вадим. – Ты – Жора. Смотри, не подавись.

– Массу набираю, ага, – подтвердил довольный крутарь. Не удержавшись, поделился: – За два центнера зашкаливает!

Тут снова открылась дверь, и на пороге возник Конрад, неуверенно озираясь. Игнорируя недовольство Гризли, Вадим помахал спецу рукой, приглашая внутрь, и указал на свободный монитор: включайся, дескать, разговор идет занятный.

– Предлагаю еще версию, – заговорил Гога. – Чем занимались Шершни, если вкратце? Отлавливали вольнодумцев, истребляли ведьм, искореняли ересь во всех проявлениях. Почему не представить их, как военно-монашеский орден нашей “святой” церкви, пока вынужденный орудовать скрытно? Тогда выстраивается иная и тоже занятная цепочка – вплоть до Феропонта. Если в прочих структурах “отцы” прячутся за управителями, то здесь в этом никакого смысла, поскольку в тени вся конструкция.

– Кстати, и силовики не на виду, – поддержал Вадим. – И там тоже идет реорганизация. Прежних олухов сменяют такие звери – роют землю от рвения!

– Версий хватает, – сказал Брон. – Вот с фактами не густо. И с делами недобор. Пора решаться на серьезную операцию.

– Операция “Ы”, – сейчас же выскочил Тим и пропел мерзким голосом: – “И чтоб никто не догада-ался!..”

– Заткнулся бы, – ласково посоветовал Гризли. – Один ты умный?

– Здесь – все! – огрызнулся щупляк, на этот раз не устрашившись. – Такие умные – даже противно.

– Рука к пистолету не тянется? – хмыкнул Гога.

– Тимушка, ты сегодня в ударе! – добавил Вадим. – Сила, красота, ум… Чему еще не завидовал? – Он покачал головой. – Может, на тебя заклятие навели? Слабое звено как-никак, засланец большевизма в наших рядах.

Юстиан поглядел на спеца с сожалением, но промолчал, рассудив, видно, что с того хватит двух плюх. А Брон и вовсе не стал вмешиваться: зачем растрачивать себя на ерунду?

– Операция вслепую обречена на провал, – заметил Гога. – Мы еще не знаем ни чужих сил, ни даже собственных. С богатырями более или менее ясно, а вот как с магами?

– Что мы имеем, – заговорил обстоятельный Юстиан. – Из всех воображенцев самостоятельным потенциалом обладают не более полутора десятков, а остальные потихоньку перекочевывают к Вольным Творцам, вливаясь в “main streem”. Конечно, тамошний суммарный Дух – немалая сила… особенно, когда собирается весь монастырь.

– Нам требуются не просто фантазеры, – сказал Вадим. – Нужны творцы миров, способные двигать планеты…

– Миро-творцы, – тихонько вставил Тим.

– Ну, таких и вовсе… по пальцам…

– Одной руки?

– Боюсь, что так. И потом, это опасно. Вы не представляете, как расшатывают психику такие порции Хаоса. Держать в сознании целые миры!..

– Отчего же, – сказал Вадим. – Я представляю.

– А, ну да…

– Надо к каждому потенциальному магу приставить крутаря помогучей, – предложил Вадим, – для равновесия и стабильности. Иначе он далеко не уедет… либо и вправду пойдет вразнос.

– Легко сказать. Они ж друг друга на дух не переносят!..

– Хватит, детство кончилось! – жестко произнес Брон. – Тут не до капризов – речь о выживании.

– Придется им подружиться, – поддержал Вадим. – Это поначалу трудно. А когда наши дохлики сумеют зацепиться за витязей… Да любой истинный творец душу положит за возможность стать магом. Открываются такие перспективы!..

– Этим и придется заняться в ближайшие дни, – без восторга признал Юстиан. – Да, Игорек?

Вадим вдруг осознал, что за весь разговор тот не издал ни звука. И выглядел едва не больным. Ужель и он участвовал во вчерашней пирушке? Замечательные у нас подбираются маги!..

Затем творцы убрались с экранов. А Тим заторопился в гостиную, где без него скучали три девы. Гризли хмыкнул ему вслед, но от комментариев воздержался.

– Поредела твоя стая, да? – спросил Вадим у князя. – Бегут доблестные росичи, спасают шкуры!

– Это не росичи бегут, – возразил Брон, все же поморщась. – Шушера! Думаешь, я кого удерживаю? Без них спокойней.

– Вот останутся с тобой одни витязи, – посулил Вадим. – То-то навоюем!..

– А много не надо. По-твоему, сколько в Крепости настоящих бойцов?

– “Золотая тысяча”, – напомнил Вадим. – Думаешь, ее составляют зауряды? Поговори о том с Гогой.

– Что меня радует, это “шмели”, – сказал Брон. – Куда “воронам”!.. И осваиваются с лету.

– То есть в управлении ничего нового?

– Чем лучше машина, тем проще управление, – изрек князь. – Во всяком разе, Руслан укротил “шмеля” за минуты. Между прочим, он уже подлетает к заставе – встречайте!

– Может, ты и прав – в принципе, – сказал Вадим. – Однако к ходульникам сие не относится. Кстати, кто подбросит до города?

– Руслан и подбросит, – распорядился князь. – На “шмеле”.

Прежде, чем погас экран, в зрачках Брона мелькнул силуэт, будто кто-то прошел перед ним. Вглядевшись в воспроизведенную по памяти картинку, Вадим удивился: причем тут Гордей? Разве он вхож в ближний круг князя? Или наш мулат вовсе не так прост, каким кажется? И чем он заведует у росичей – не разведкой?

Когда Вадим вернулся в гостиную, то застал там лишь Михалыча с Бэком, угрюмо глядевших друг на друга. Тим куда-то сгинул, а Оксана с подружками поднялась этажом выше, в просторную девичью, где, не откладывая, принялась обучать “бирманку” русскому языку, благо в ее компе отыскалась и такая программа. За этим могли последовать уроки танцев (тут все карты Уме) и тренинг по боевым искусствам (этим, конечно, займется Руслан). Прямо институт благородных девиц – от вчерашних селянок до потомственных ведьм.

Распахнув окно, Вадим высунулся наружу, чтобы разглядеть темное пятнышко, стремительно наплывающее над самым лесом – куда быстрей, чем это получилось бы у “ворона”. Сбежав по лесенке, Оксанка пристроилась рядом, доверчиво улегшись на его руку, и тоже всмотрелась в пятно.

– Твой кавалер мчится, – сообщил Вадим. – “На крыльях любви”.

– А ничего крылышки, – оценила ведьма. – Мне бы такие!

И засмеялась радостно.

Облепленный турбинами “шмель”, похожий на исполинскую смоляную каплю, уже подлетал к блокгаузу, круто тормозя. Накрывавшее корпус крыло пришло в движение, вращаясь по-вертолетному. Вскоре машина зависла над поляной и опустилась перед воротами, рядом с не менее чудным “жуком”, – эдакая “выставка достижений”. Но вооружение у “шмеля” было посерьезней – мощный дальнобойный лазер (по новому, лучемет), на диво компактный.

Раздвинув темный колпак, из кабины выбрался Руслан. Учтиво поклонясь Вадиму и Оксане, глядевших на него сверху, витязь вошел в дом. Через минуту вся компания встретила его в гостиной. А еще через двадцать, напившись кофе, отведав сластей, парень безропотно покинул юную хозяйку, чтобы доставить Вадима в город.

– Ну как, пришел к согласию? – спросил Вадим, едва они поднялись в воздух. – Надумал чего свежего?

– Вы насчет колдуна? А что тут думать…

– Ну да, “трясти надо”! Пока душу не вытрясешь, верно? Еще один любитель выплескивать детей…

– Это как?

– А вместе с водой. Или вместо. Одни и в звере находят душу, а другие каждого слабака обратят в зверя.

– Это колдун-то слаб?

– Так вышло, что Михалыч завис над пропастью. Ему бы помочь, а ты подталкиваешь. А как же милосердие, витязь? Или это не входит в кодекс?

– Милосердие годится для людей, – возразил Руслан. – А с чудищами разговор короткий.

– Побойся бога, парень, – а мы-то с тобой кто? Разве шерстью не заросли, а так вполне готовые чудища – с точки зрения любого зауряда. Ты хочешь, чтобы к тебе отнеслись, как ты к Михалычу? Уверен, что нет.

– В нас естество пробудилось – наша природная суть…

– Ой ли?

– А колдун – он же из Подземелья таскает, с темными силами стакнулся!

– На тебя Н*и* коль, что ли, влияет? – предположил Вадим. – Так у него глаз черный – он во всех видит одно плохое. Хочешь и сам сделаться таким?

– Все эти обороты, заговоры, оживления…

– Парень, не глупи, – настойчиво сказал Вадим. – Думаешь, откуда твоя сила? Если опустить частности, источник тот же, что у чар Михалыча.

– Сами ж говорили: есть магия, а есть колдовство! – возразил упрямец, нахмурясь. – И общего меж ними мало.

– А есть еще чародеи, которые черпают то там, то тут. Вот от них отстраниться трудно. Между прочим, и Оксанка пасется не на одних альпийских лугах – не забывай, чья она дочь.

– Вот за это и спрошу с колдуна!

– Дурень ты, – вздохнул Вадим. – Если Оксана так хороша, кого надо благодарить? А что она знает много, так ты ж богатырь – сделай усилие, догони!

Конечно, Руслан не обиделся: слишком горд для такого, – но вот проникся ли?

– И поразмысли еще вот над чем, – добавил Вадим. – Худо-бедно, но Михалыч ее бережет. А вот сумеешь ли ты защитить Оксанку, и примет ли она твою опеку?

По крайней мере, юноша задумался – уже немало для крутаря. А внизу как раз замелькали городские дома: “шмель” домчал спорщиков за считанные минуты, – их огороженный Бугром мир стал еще теснее. Минутой позже они подлетели к знакомому зданию.

Руслан даже не стал приземляться – просто завис над самой крышей и подождал, пока Вадим спрыгнет. Затем сразу убрался, лавируя меж домами, словно заправский гонщик. Похоже, этот аппаратик и в вертолетном режиме легко обставит “ворона”; а при фиксации лопастей тягаться с ним некому – по крайней мере, в губернии.

Сбежав по ступенькам, Вадим вступил в свою квартиру, в которой после него никто не побывал, судя по ощущениям. “Позарастали стежки-дорожки…” От Эвы ни слуху, ни духу, будто она уже добилась чего хотела. У Киры свои заботы: начальство, карьера. И ладно!..

Он прогулялся по комнатам, распахивая окна, затем принял душ, чтобы вернуть себе свежесть, и не одеваясь присел за комп.

Итак, полдня провели не без приятности, теперь надо б и делом заняться. Впечатлений за последнее время скопилось немало, пора их расфасовать, даже систематизировать – по примеру Гоги. Не все ж на интуицию полагаться?

Этого удовольствия Вадиму хватило до вечера, с перерывами на чай и разминки. Общая картина уже начала вырисовываться, но радости это не доставило: полная безнадега. Опаздываем, опаздываем!.. Пока раскрутимся, здесь наступит вечная ночь. Если не затеять что-то из ряда вон…

Вдруг он насторожился, явственно ощутив дискомфорт, и без промедления погрузился в себя, пытаясь выудить причину из подсознания. Но еще раньше ему ответил слух.

Сначала Вадим услышал рокот вертушки, отчетливо нарастающий и вдруг оборвавшийся прямо над ним. Потом с самого верха затопотали вниз уверенные шаги – все ближе, ближе, безошибочно направляясь к его квартире. Пока не затихли у самой двери. И раздался едва не грохот, больно ударивший по перепонкам.

С месяц назад такой непререкаемый, начальственный стук привел бы Вадима в смятение: обычно так возникали репрессоры. Сейчас он сохранил спокойствие, но не радушие. Встречаться с репрами не хотелось по-прежнему – тем более здесь, в уставленной запретными приборами квартире, и сейчас, когда он наг, расслаблен и вовсе не настроен на драку. К тому ж его таланты, растраченные во вчерашних баталиях, еще не восстановились, – Вадим с трудом различал сознания, копошащиеся за дверью. В нынешнем состоянии он вполне мог спутать репрессоров даже с Шершнями. Правда, Шершни бы стучать не стали, а просто снесли хлипкую дверь и разобрались с Вадимом по-свойски… Если б сумели.

Ведь и он изменился за последние дни. Теперь его переполняла легкость. Движения не требовали усилий – труднее было заставить себя замереть. Видимо, он стал сильнее раза в три, сравнявшись мощью с серками, а в импульсах – во все пять. И все же, все же… “Нормальные герои всегда идут в обход”. Жаль оставлять нажитое, но не драться же за него? Да пропади оно, это барахло!..

Подхватив в охапку одежду, Вадим скользнул к окну, выглянул наружу. Там уже стемнело, а значит, и обезлюдело. Одеваясь, он ждал продолжения, но за дверью, видно, решили не форсировать события, тихонько ковырялись в замке. И ладушки, тем лучше.

Вадим ступил на подоконник и, поборов секудное колебание (третий этаж все-таки), прыгнул. Земля понеслась навстречу, грозя ударом, но в момент столкновения Вадим послал по ногам огненную волну, и та погасила инерцию. Он даже на корточки не опустился – только чуть согнул колени, будто соскочил со стола.

Теперь следовало ждать атаки – если навестившие его ребята не полные олухи и позаботились перекрыть пути отхода. И вправду, секундой позже Вадим ощутил на себе прицельный взгляд, в котором ясно читалось: “Я могу убить тебя когда захочу”. Только не сейчас, хорошо? – подумал он в ответ. Зачем со мной связываться?

Стрелок не внял. Вадим убрался с линии атаки за миг до выстрела. А может, и в самый миг, краем глаза уловив вспышку над крышечным карнизом. Пуля вспорола воздух вплотную к нему, с чмоканьем впилась в землю. Или то была усыпляющая капсула? Все равно не греет.

В несколько прыжков Вадим метнулся за угол и для проверки скакнул вверх, невесомо взлетев к балкону второго этажа. Тут же перемахнул перила и скрылся в темной комнате, застыв по центру. Вот здесь его вряд ли достанут – если не окружили дом.

И все ж интересно, кто за него взялся? Кандидатов хоть отбавляй! Пожалуй, обычная публика ему теперь не опасна, но разве мало вокруг выродков? Тот охотник, чье сознание он зацепил, вроде не выходил за рамки зауряда – однако нелишне проверить.

Оказалось, взбираться по стене панельного дома, сплошь покрытой лоджиями, совсем не трудно – когда весишь или чувствуешь себя втрое легче нормы. А десять этажей вовсе не головокружительная высота, если поделить на ту же тройку. (Или даже на пять?)

Добравшись до верха, Вадим обнаружил там вертолет с настороженным пилотом и пару стрелков, залегших по разные стороны крыши. Экипированы они были по высшему стандарту, а кое-что из этого обмундирования даже было Вадиму знакомо. Ах, Алекс, Алекс! – подумал он. Мог бы из уважения заняться мной лично. Или это проверка?

Отводить взгляды спецгардов, направляемые на Вадима разве случайно, не составило труда, и через минуту он угнездился в глубине салона, между нишами. “Шалишь, – ухмылялся Вадим, устраиваясь поудобней. – На хвосте я больше не ездец!..”

Затем команда загрузилась – разочарованная, но не растерявшая азарта, – и вертолет сразу взлетел. Старший уселся рядом с пилотом, демократично повернув кресло к салону, остальные разместились на лавках, тянувшихся вдоль бортов. Несмотря на неудачу, климат в вертушке поддерживался душевный, будто собрались братья. Как и Кира, каждый был пристегнут к партнерам *внутреннимкругом* , а Первого почитал за отца – что не мешало над ним подтрунивать.

Вадим цепенел, когда ощущал приближение чужого взгляда, и мягко обводил его вокруг себя. Неподвижное не привлекало внимания. А если б взгляд стал концентрироваться на Вадиме, он всегда успел бы сместиться в сторону – чуть быстрее, чем умели двигаться зрачки зауряда. По сути Вадим мог считать себя невидимкой.

С интересом он приглядывался к спецгардам. Тут был другой стандарт, не росский. Все будто из одного инкубатора вылупились: худощавые, жилистые, с отменной координацией, быстрые и гибкие, наверняка отлично тренированные. Плечи широкие, конечности мускулистые, но сухие. (Вадиму вспомнился Атос, каким его описал Дюма.) Лица мужественные, симпатичные, однако незапоминающиеся – “типические-типические”. Прически аккуратные, скромные, никакой лишней растительности на физиономиях. Одежда функциональная, не броская. Под сюртаками множество разнообразных ухищрений, от оружия до средств связи.

И говорили они не как громогласные росичи, но вполголоса – лишь бы расслышали. Вадиму это нравилось – по крайней мере, не закладывало уши, как от рявканья бочкогрудых крутарей. (Хотя истинные, недавно прорезавшиеся богатыри уже избегали ора: помимо прочего, у них улучшился слух.)

И все здешние гардейцы оказались молоды, причем разброс невелик – года два-три… ну уж никак не больше пяти.

– Алекс нам грозди поотрывает, когда узнает, – со смешком заметил старший. – Так проколоться!..

“Вы еще не знаете, насколько прокололись, – мысленно поддакнул Вадим. – Вот долетим…”

– Вдобавок пари продул, – продолжал спецгард. – То-то Кира посмеется!

– Она не слишком рисковала, – проворчал один из стрелков. – У парня чумовой запас прочности. Куда он делся вообще?

– Видали б, как он сиганул из окна! – добавил второй. – Для него это вроде утренней зарядки.

– Вечерней, – поправил старший, глянув на темные окна. – Может, он и вовсе – из этих?

– Тогда чего бы с ним цацкались? – возразил второй стрелок. – Вот если б он взялся нас натаскать!.. Может, потому Адекс и держится за него?

Достав из холодильника упаковку колы, старший перебросил ее в салон. За секунду баночки разошлись по рукам. Захлопали, открываясь, крышки, забулькала пенящаяся жидкость, стекая в подставляемые рты, – Вадим даже позавидовал, хотя вовсе не хотел пить.

– По-моему, Алекс и не рассчитывал, что мы захватим шустряка, – заговорил четвертый, который вместе со старшим ломился в квартиру. Был он выше остальных и заметно массивней – наверно, лучший рукопашник в команде. Костяшки на его кулаках походили на кастеты, бровь рассекал шрам, но по лицу видно, что проигрывал редко. Похоже, он числился у старшего в з*а* мах.

– Чего ж тогда гонял? – спросил первый стрелок. – Мало других забот?

– Может, проверял его, – ответил крепыш. – А может, пугнуть хотел, чтобы не расслаблялся. Вообще, Рол, какие инструкции? Алекс ничего не прибавлял на случай прокола?

“Рол”, отметил Вадим. Видимо, Роланд. Помнится, это имя мелькнуло у Киры. Действительно проболталась или тут умысел? Господи, и я становлюсь параноиком!..

– Ничего такого, что стоило бы…

Старший вдруг замолчал.

– Что? – сейчас же спросил крепыш.

– По-моему, ты слышал Кирину байку, – заговорил Роланд, – как этот ухарь катался на вертолетном хвосте. Ведь так, Тор?

– Черт! – воскликнул тот, машинально оглянувшись. – Думаешь, и сейчас он едет верхом?

– Это возможно, – сказал Роланд. – А как ты поступил бы на его месте?

– И что же делать?

– А ничего. Так или иначе, но мы его доставим. Может, этого Алекс и добивался?

Над этим стоит подумать, согласился Вадим. Иначе какой смысл во всей заварушке?

– Знаешь, слишком мудрёно, – возразил Тор. – В тот раз у парня была причина, а к чему рисковать сейчас? И как он мог пробраться к вертушке?

– А как он исчез на голом месте? – сейчас же спросил второй стрелок. – Раз – и нету!

– Ну, Сид, ты просто его зевнул – признайся! – с ухмылкой сказал крепыш. – А Урфин тебе поддакивает, по старой дружбе.

– Шутишь? Да я моргнуть не успел!

– Это называется: “в мгновение ока”, – заключил Роланд. – Предположим, он сместился в “слепое пятно” – если такой фокус вправду работает. И так же пробрался к вертушке.

– И даже проник внутрь, – хмыкнул Сид. – Затаился в каком-нибудь шкафу, слушает нас и посмеивается.

Почти попал! – признал Вадим, невольно ежась. А ведь недурную команду составил Алекс. По темпераментам, что ли, подбирал, как Дюма своих мушкетеров? Тор – флегматик, Сид – холерик, Роланд – сангвиник. К тому ж у всех рыцарские имена. Как пятого-то зовут – не Тристаном? Романтик наш Алекс. Или впрямь решил возродить рыцарство? “Старая, старая сказка” – но красивая!..

– Если он еще и невидимка, ловить тут нечего, – ответил Сиду его напарник. – Как ты представляешь такую охоту?

– Спорим, уложу? – азартно предложил стрелок. – На звук подловлю, вслепую!..

– Если верить Кире, – усмехнулся Роланд, – он движется беззвучно, как призрак. Бог тебе в помощь!

– Таких живчиков лучше стрелять в лет, – сказал Сид. – Тогда никакие фокусы не помогут.

Впрочем, парень не был кровожаден – больше куражился. Опять же, азарт.

– Запасись гранаметом, – проворчал Урфин. – Не пробовал палить в Шершней? У них такие доспехи!..

А этот, кажется, говорил всерьез.

– По последним данным, – сообщил Роланд, – их доспехи перешли к крутарям либо погребены под росским Дворцом. Так что Рою, похоже, каюк.

– Аминь! – добавил Тор. – Вот о чем не жалею.

– Все-таки надо обыскать вертушку, – угрюмо сказал Урфин. – Мало ли?

Бедняга, подумал Вадим. К такому имечку еще и меланхолию – поневоле сделаешься подозрительным!

– Велено доставить парня в целости, – напомнил Роланд. – Так что не будем дергаться – пусть идет, как идет. По словам Киры, он не агрессивен. Но если допечь, может стать опасным.

Аминь! – со вздохом подтвердил Вадим. “Пусть идет, как идет”. Объявляться раньше времени все же не стоит.

Не глядя в иллюминаторы, он примерно представлял, куда летит, – может, считывал из сознаний гардейцев. К счастью, направлялась вертушка не в Центр, хотя и пересекла его недалеко от края. Пожалуй, скоро вниз.

– Говорят, Сид опять задирал Псов? – вдруг спросил командир.

– Кто – я? – изумился тот. – Ни единым словом! Разве только косо на них посмотрел. Я ж не виноват, что у них комплексы!..

– У них рефлексы, – поправил Роланд. – И лучше за это не дергать.

– Ладно, – уступил Сид. – При следующей встрече с Псами буду отворачиваться и прикрывать лицо платочком – от них такая вонь!..

В салоне посмеялись, вполне сочувственно. Роланд тоже хмыкнул и, развернувшись, стал смотреть вперед. А молчун-пилот словно и не слышал салонной болтовни.

Вертолет уже снижался, заходя на посадку. Только его опоры коснулись площадки, как спецгарды посерьезнели и собранно выгрузились, на всякий случай готовясь к худшему. Все-таки выучка у них была отменной – врасплох не застанешь, если зауряд. Один за другим они исчезли в бетонном стакане, одиноко торчавшем по центру площадки, точно вход в бункер, и предусмотрительно заперли за собой железную дверь.

Чуть погодя машину покинул и Вадим.

2. Школа выживания

Опять он оказался на крыше – такой же плоской, но куда менее высокой, чем в его доме. Прежде это здание было обычной школой, с положенными кабинетами, залами, стадионом, даже бассейном. Сейчас, видимо, оно оставалось школой (то есть и школой тоже), но уже не обычной: с зауженными в щели окнами, бронированными входами, капитально переоборудованной спортплощадкой. Каменный ее забор теперь смахивал на тюремный, прибавив в высоте вдвое и разжившись рядами проволоки, протянутыми по верху. Официально заведение именовалось “сиротским домом строгого режима”, но почему-то Вадим ни разу не встречал его воспитанников. Вот разве Кира?..

Решив не искушать судьбу, Вадим подошел к краю крыши, где корпуса дома смыкались под прямым углом, и прыгнул с карниза на окно верхнего этажа, хорошо видное сбоку. Тотчас повернулся и скакнул ниже, уже на другой корпус, – такой трюк Вадим подсмотрел в каком-то румынском боевике.

Это окно оказалось открытым, и он проник внутрь, прислушиваясь к тихому дыханию, доносящемуся из глубины сумеречного зала. От прежних времен здесь осталась классная доска, вся испещренная ножевыми ямками, и письменный стол, задвинутый в самый угол. В соседнем углу, возле двери, была устроена душевая, затянутая целлофаном. На другом конце комнаты, за шторой, помещалась роскошная кровать, попавшая сюда будто из другого мира. Остальное пространство занимали тренажеры, один другого забористей.

Прокравшись к кровати, Вадим увидел Киру. Как обычно, она спала голой, едва прикрытая простыней. Осторожно Вадим подсел к ней, коснулся упругого плеча. Замычав, Кира развернулась, с недоверием уставилась на него. Затем вяло махнула рукой и снова уткнулась лицом в подушку. Вдруг вскинулась, и опять вытаращилась на гостя.

Это до неприличия смахивало на сценку из “Иронии судьбы”, но Кира не прикидывалась – по крайней мере, сейчас.

– Откуда ты взялся? – спросила она сипло. – Ты же мне снился!..

– “Материализация чувственных идей”, – объяснил Вадим, цитируя уже другой фильм. – Слыхала о сиих таинствах?

Девушка помотала головой, изгоняя остатки сна.

– Что, не дают выспаться? – сочувственно спросил Вадим.

– Только недавно смогла лечь, – пожаловалась она. – Со вчерашнего-то утра!.. Второй день Крепость трясет – уж не твоя работа?

– Шершней, – кратко ответил он. – Но с ними разобрались – похоже, один “король” унес ноги.

– Как и в первый раз, – напомнила Кира и сладко потянулась: – Вставать не хочется!.. Может, поучаствуешь?

И улыбнулась очень соблазнительно. Она была сейчас такой теплой, уютной – прямо кошечка, *pussy -cat* . Даже пахла призывно: свежими соками, проступившими от грез. Хотя у кошечек когти острые, а уж если войдут в раж!..

– Меня Алекс ждет, – сказал Вадим. – Хочешь – поспи пока. Я еще наведаюсь.

– Ну уж нет, – решительно сказала девушка, вскакивая с кровати. – Еще чего!.. Кто-то же должен вас разнимать?

– Да мы не драчливые, – возразил Вадим. – Впрочем, подходи. Разговор будет нескучным.

– Через пять минут, – обещала Кира. – Только не заводись, ладно?

– А когда я заводился?

Босиком она устремилась к душевой, на бегу лягая тяжеленные мешки, подвешенные то там, то сям. А Вадим, с сожалением оставив девушку, отправился по длинному коридору искать Алекса. Сбоку проплывали двери, за которыми некогда “звенели ребячьи голоса”. Теперь тут раздавались иные звуки. Хоть в этом нынешнему молодняку повезло: не мучают зубрежкой. Прогрессивные методики, мудрые учителя – где это все? Лишь по кино и знаем.

Конечно, он отыскал шефа в кабинете директора, предваряемом симпатичной прихожей. Как и положено, Алекс обзавелся секретаркой, усадив возле двери, – улыбчивой мулаткой, сложенной как богиня. Ее гладкое лицо, будто выточенное из черного дерева, являло образчик красоты, притягательной для всех рас. (Бывает и такое, как ни странно.)

Не замеченный красавицей, Вадим проник за дверь. Наверно, шеф только что отпустил Роланда, приходившего с докладом, и теперь разгуливал по комнате, давая выход эмоциям, – чтобы следующему посетителю показаться безмятежно спокойным. Маленькие хитрости “больших” людей.

Неслышно Вадим прошел к начальническому креслу, осторожно, чтобы не заскрипеть, опустился за обширный стол, принял небрежную позу. И только затем перестал отводить

взгяды, ожидая, пока его заметят. Произошло это немедленно – все же рассеянными спецгарды не были.

– Надо ж, у нас гости! – преувеличенно обрадовался Алекс. – Какими ветрами?

А то не знаешь! – подумал Вадим, но вслух ответил:

– Попутными, естественно.

Алексу потребовалась секунда, чтобы сложить два и два.

– Я знал, на чем тебя ловить, – сказал он. – На любопытстве!.. Как летелось в этот раз?

– С комфортом. Не поверишь, но я прибыл в салоне.

Шеф и впрямь не поверил:

– Хочешь сказать, тебя не заметили? Это мои-то ниндзя!

– Конечно, обидно, – согласился Вадим. – Столько труда вложено!..

– Ты и сюда так проник? – спросил Алекс. – Давно сидишь?

– С минуту.

Гардеец прикинул.

– Ну, от одного еще можно прятаться, – сказал он. – Минуту. Но чтоб от пятерых и в десять раз дольше!..

– Кто придумал за мною послать? – поинтересовался Вадим. – Не Кира?

– Она, – подтвердил Алекс. – А что?

– Я привык опасаться чужой инициативы. Особенно, когда она исходит от женщины.

– Дело в том, что тебя объявили в розыск. Официальная версия: серийные убийства. Кроме Алисы и Юли хотят навесить еще десяток смертей.

– А почему не все? – оскорбился Вадим. – Разве наши, исконные серийщики хуже ихних Потрошителей? А крепостным-то какая потеха!..

– Смешного тут мало, – возразил гардеец. – Если репрессоры примутся за тебя всерьез…

– Поздно хватились, – сказал Вадим. – Я теперь играю в другой лиге. А там уж не нужны оправдания, чтобы прикончить человека. Голая целесообразность, как у классиков. И нечего разводить “гнилой либерализм”!..

В этот миг в дверь стукнули, и тут же, не дожидаясь разрешения, в кабинет впорхнула Кира, потрясая влажной прической.

– Еще некого выносить? – спросила взволнованно. – Слава богам!

Затем пристроилась рядом с Вадимом, нимало не смущаясь, что это кресло начальства. Усмехнувшись, Алекс сел напротив и повернул монитор так, чтоб экран стал виден всем, – эдакий “жест доброй воли”.

– Если нет возражений, я приглашу Роланда, – сказал он. – Ему полезно послушать.

– Можешь позвать и вашего громилу, Тора, – откликнулся Вадим, демонстрируя осведомленность. – И Сид бы не помешал – парень с головой. А численное преимущество меня не пугает.

Алекс поглядел на него с любопытством, затем подвинул к себе клавиатуру, щелкнул по ней пальцем. На экране возникло темное лицо, приветливое до приторности, как у Студийной дикторши. (“Как у Алисы”, – с затаенным вздохом вспомнил Вадим.) Застыло в почтительном ожидании.

– Переместимся в сауну, а? – неожиданно предложила Кира. – Все ж у нас гость! Да и другой повод есть.

Укоризненно Вадим поцокал языком: нельзя же так откровенно играть на чужих слабостях!.. Но возражать не стал: ему давно хотелось попариться. Когда еще представится случай?

– Для равновесия пригласи еще девочку, – добавил он. – Хотя бы ее, – кивнул на экран. – Не все ж одной Кире блистать!

Хмыкнув, Алекс распорядился. Мулатка вышколенно кивнула и пропала с экрана. Тотчас же спецгарды поднялись, увлекая за собой Вадима, и направились к выходу.

Сауна помещалась рядом с бассейном, уже опустевшим к ночи. И воду в нем успели сменить – на свежайшую, морскую, слегка подогретую. Горьковатый ее аромат ощущался даже в коридоре, и это совсем не походило на обычные запахи искусственных водоемов, отдающие хлоркой.

Роланд и Тор ждали их в раздевалке, неспешно разоблачаясь. Вадима они приветствовали вежливыми кивками, словно бы не за ним охотились совсем недавно. Сида не позвали: молодой ишо, – зато, кроме мулатки, пригласили еще девицу (“Джонсон оказался женщиной!”), с некрасивым лицом, малорослую, но ладную и крепкую, точно рысь, с пышной белой гривой и замечательной, шелковистой, будто светящейся кожей, сводившей к нулю неправильность черт – кстати сказать, на редкость подвижных. Энергия в ней бурлила, заражая соседей, а обаяния хватило бы на троих. Звали ее, как выяснилось, Изольдой. (“Блин, где же наконец Тристан!”) И уж она к приходу старших разделась полностью и теперь азартно ерзала на скамейке рядом с верзилой Тором, пытаясь подловить его на рассеянности. Не глядя, тот захватывал ее шаловливые лапки, словно в клещи, и тут же отпускал, благодушно ухмыляясь. При этом не прекращал методично снимать с себя одежду – все-таки не даром его считали тут лучшим.

– Кто-нибудь побеспокоился о пиве? – спросил Алекс, усаживаясь. – А о копчушках? Или мне опять за всех думать!

– Пиво-то с нами, – Тор кивнул на пару бочонков в углу. – А за съестным обещала заскочить Клэр.

Как выяснилось, здесь не стеснялись. И чего стесняться – тем более, девушкам? Да и ребята при случае смогли бы работать стриптизерами – похвалиться было чем. А может, как в богемных домах, все здесь уже познали всех? По последней моде лобки оказались подстрижены накоротко даже у мужчин, а промежности выбриты вовсе, так что их оголившиеся гениталии топорщились потешными клювами – вместо того, чтоб выглядывать из зарослей, будто птенцы из гнезд.

Самое забавное, что у Вадима-то депиляция происходила естественным образом – как и у ведьм, насколько он мог судить. Словно бы они все больше отдалялись от зверей. Зато крепостные чем дальше, тем гуще покрывались шерстью – не говоря об оборотнях. То есть разделение на породы вершилось и по этому признаку. На одном полюсе незауряды, на другом… суперы, что ли? Во всяком случае, те не отказались бы от такого звания.

Оставляя в комнатке всё, вплоть до оружия (еще один жест доверия?), гардейцы один за другим ныряли во внутреннюю дверь и вдоль мерцающего, погруженного в сумрак бассейна шлепали к дальней стене, где светился вход в сауну. Последними раздевалку покинули Вадим с Кирой, причем девушка и тут норовила пристроиться ближе, ввинчиваясь ему под мышку. Вправду соскучилась или на задании? – гадал Вадим. Или совмещает?

Шагавшая за Роландом Изольда вдруг разогналась и без брызг вонзилась в воду, остаток пути одолев вплавь. В конце бассейна Тор, шедший третьим, опустился на колено, легко вынул Изольду из воды и снова поставил перед собой, шлепками загоняя в открытую дверь. Со смехом отбиваясь, девушка скрылась внутри.

Чуть сдвинувшись, Вадим заглянул в лицо Алекса – тот наблюдал за эпизодом со сдержанной улыбкой.

– Детство играет, – ответил шеф на его взгляд. – Кира и Роланд здесь из самых старших. Да еще Клэр.

Он обернулся и притормозил, пропуская замыкающую парочку мимо себя. В его глазах, как в зрачках Брона совсем недавно, Вадим увидел смуглую порывистую фигуру и тоже оглянулся.

Черт, она и впрямь была хороша!.. Тем более без одежды. Темнокожая красотка притягивала внимание, как магнитом, – не столько экзотичностью, сколько редкой статью. Пропорциями она не уступала Кире, мускулами – даже превосходила. Как истое дитя джунглей, она вышагивала с увесистой корзиной на голове, поигрывая гибким станом, раскачивая длинные бедра – так что взгляд сам устремлялся к сокровенному. На пересечении трех подлунных дорог…

– И ты туда же, – Кира ткнула локтем ему под ребра. – Эх, мужики!..

Будто ей самой недоставало внимания – “эх, женщины”!..

– Как ее на самом деле зовут? – кивая за спину, спросил Вадим. – Полное имя, а?

– Клавдией, – ответила Кира.

Ну конечно! – подумал он. Сочетание негроидной наружности и старожильского имечка – как тут не вспомнить Гордея? Но сколь занятная выстраивается цепочка! И с какой стороны за нее тянут?

Прихватив за руку, Кира увлекла его в распахнутую дверь, из-за которой доносились сдавленные визги Изольды и глуховатые голоса мужчин. Неудивительно, что блондинку предпочли Сиду, – с девицей-то веселей, особенно с такой компанейской. Тем более, остальные уже разобраны.

А ведь и впрямь: соблюдены традиции! – подумал Вадим, снова глянув на шефа и мулатку, шагавших плечом к плечу, словно октябрята, – только что за руки не взялись. “Поэт в России больше, чем поэт”… А секретарка?

Кира тоже оглянулась на парочку – не без ревнивости, однако спокойно. Судя по всему, Алекс отнесся к ней по-доброму. Если и употреблял как женщину, то со всем бережением, исподволь приохочивая к постельному ремеслу. Не исключено, готовил для себя, но тут подвернулась Клава – экзотичная, страстная. И поплыл железный гардеец, потек мелкой ржой…

Однако вскочила другая проблема: как быть с Кирой? Девушка ведь не из тех, кто работает в команде, – ей требуется лишь напарник. И где найти такого же одиночку, да еще чтобы глянулся разборчивой гардейке? “Но тут подвернулся” Вадим. Может, для того он и нужен здесь, а вовсе не из-за своих замечательных качеств?

– “Нельзя войти дважды”, – с усмешкой молвила Кира, наверно, имея в виду себя, – если уж вышел. – И дернула Вадима за руку: – Ну, долго тебя ждать?

За дверью обнаружился коридор, выстланный пышной дорожкой и озаряемый интимным сиянием бра. По обе его стороны, точно ветви от ствола, расходились комнаты, и оказалось их немало, будто роскошную эту баню пристраивали к школьному бассейну уже при нынешних обитателях. Скажи мне, как ты развлекаешься…

Была здесь комната с *ду* шами и разнообразными водными массажами. Был просторный холл с инкрустированным камином, столами, прозрачной стеной, глядевшей в парк, и тивишным экраном на половину другой. Был тренажерный зальчик – для любителей сочетать приятное с полезным; и комната с неохватной кроватью и пикантными фото на стенах – для совместителей приятного с еще более приятным. Был даже второй бассейн, совсем крохотный, с баскетбольным щитом на стене и подогретой водой, по которой плавали резиновые мячи, – для особо заядлых спортсменов.

И конечно, тут была парилка.

Рыцарствующая троица уже устроилась в ней, забравшись на самый верх. Непокойная Изольда втиснулась между парнями, толкаясь локтями, и теперь норовила разлечься у них на коленях, чтобы не обжечься о лавку. Те крутили ее точно куклу, норовя уронить вниз – чем вызывали у девушки протестующие визги пополам со смехом. От здешнего жара у всех трех горели лица и слезились глаза, но ребята стоически терпели, словно похваляясь перед гостем выносливостью.

– Куда ляжем? – спросила Кира.

– Куда скажешь.

– Тогда на камни, – предложила она, но, быстро глянув на Вадима, отступила: – Хотя… с тебя станется. Наверх, наверх!..

Наверху подвинулись, и они улеглись на полке рядышком, во всю длину. Не прошло и десяти секунд, как Кира, шипя от боли, перебралась на Вадима. А он, оказалось, воспринимал жару столь же отстраненно, как холод, и мог пересидеть здесь кого угодно, включая саламандр. Так что напрасно ребята затеяли эту игру – и тут не на равных.

Вступив в парилку предпоследним, Алекс мудро расположился внизу, покряхтывая от удовольствия.

– Клэр накрывает на стол, – сообщил он. – Примкнет чуть позже.

Закусив губу, Изольда принялась щекотать его спину подвижными пальцами, далеко отставя ногу. Но шеф лишь отмахивался, словно от мухи. О стыдливости в здешнем коллективе забыли – либо не знали вовсе. Похоже, Алекс посчитал ее лишней в облике строителей феодализма.

– Итак, начнем? – заговорил он. – Уж здесь не подслушают!

– Смотря кто, – вставил Вадим.

Вздохнув, Кира перевернулась на его спине, остужаясь о Вадима так же, как раньше грелась. Видно, температура его кожи почти не менялась от среды – он даже не потел.

– Ну да, ну да… Кстати, Рол, – вдруг поймав шалунью за щиколотку, Алекс заглянул под ее ногу, будто проверяя целостность цветка. – Наш гость утверждает, что прибыл сюда на вертушке да еще внутри салона. По-твоему, это возможно?

– Вряд ли, – гардеец усмехнулся, давая понять, что на самом деле ответ куда категоричней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.